

Геннадий Борчанинов

МЯТЕЖНИК

Геннадий Борчанинов

Мятежник

<https://litres.ru/73899863>

SelfPub; 2026

Аннотация

Был Михаил Харитонов - стал теперь Майклом О`Хара. Поездка в Дублин закончилась самым неожиданным образом, из 2026 года я попал в 1916. И всё из-за этих поганных англичашек... Значит, придётся воспользоваться шансом и переиграть Пасхальное восстание, начать борьбу за независимость на пару лет раньше, с послезнанием, боевым опытом и железобетонной уверенностью в своей правоте. Ирландия будет свободной!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	69
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Геннадий Борчанинов

Мятежник

Глава 1

Был Михаил Харитонов - стал теперь Майклом О`Хара. Поездка в Дублин закончилась самым неожиданным образом, из 2026 года я попал в 1916. И всё из-за этих поганных англичашек... Значит, придётся воспользоваться шансом и переиграть Пасхальное восстание, начать борьбу за независимость на пару лет раньше, с послезнанием, боевым опытом и железобетонной уверенностью в своей правоте. Ирландия будет свободной!

Зря, наверное, мы пошли по барам накануне вылета. Но до выезда в аэропорт оставалось ещё чуть больше суток, и мы всё-таки решили выпить в каждом пабе вдоль набережной Лиффи. Уже на пятом я был в дрова, затем воспоминания следуют такими вспышками, а последняя из них — мне в голову летит тяжёлая пивная кружка.

Так что пробуждение вышло мучительным. Не только из-за похмелья.

Я обнаружил себя лежащим на скрипучей койке в ка-

кой-то мрачной каморке. Во рту словно нагадили, от каждого шороха голова взрывалась как бочка с порохом. Жутко, смертельно хотелось пить, и я, пересиливая себя, приподнялся на локтях, чтобы осмотреться. Убил бы за банку холодного кваса.

И кто меня сюда притащил? Это точно не «Хилтон», это какая-то хижина дяди Тома, с закопчённым окошком, деревянной тумбочкой и обоями в дурацкую полоску. На подоконнике стоял пожухлый фикус, а рядом с ним — кувшин с водой для полива. Прости, растение, но мне сейчас нужнее.

Полегчало, но не слишком, я выпил бы ещё три-четыре таких кувшина. Теперь надо понять, где я вообще нахожусь и не пропустил ли я самолёт.

В Ирландию мы прилетели по делам, обычная рабочая поездка, а когда с делами было покончено, мы решили, что грешно будет не попробовать здешнего пива в настоящих ирландских пабах. А там перешли на виски и понеслось.

Ладно хоть память не отшибло, я по-прежнему помнил, кто я такой и что мне нужно в аэропорт. Билеты давно уже куплены, лежат в загранпаспорте на имя Михаила Харитонов. Кстати, а где он?

Я похлопал себя по карманам, поискал взглядом свой пиджак. Почему-то одежда на мне была явно чужая, старая и застиранная, местами даже аккуратно зашитая. Серые вельветовые брюки на подтяжках, с пузырящимися коленками, серо-белая рубашка без воротника, на стуле рядом висели

пиджак с заплатками на локтях и жилетка, под кроватью обнаружили тяжёлые боты-говнодавы. Ситуация выглядела всё страннее и страннее, я задумчиво потёр подбородок. Пальцы уколола жёсткая недельная щетина, хотя я только вчера побрился начисто. Бред какой-то.

Коснулся затылка, голова оказалась перебинтована. Меня не покидало тревожное недоумение, как я вообще здесь оказался и что делать. Во вторник я должен быть уже в Атланте.

Зеркала в комнатке не оказалось, так что я посмотрелся в оконное стекло в деревянной раме, закопчённое и маленькое. Лицо как лицо, моё собственное. Тяжёлая челюсть, резкие черты, жёсткий взгляд. Разве что вид я имел достаточно бледный и измождённый, но это неудивительно. Повязка на голове выглядела как шапочка а-ля Полиграф Шариков, и я принялся аккуратно её снимать, с удивлением обнаружив, что это не марлевый бинт, а какая-то старая тряпка.

Да, башку мне пробили основательно. Меня даже замутило, подкатил приступ головной боли, такой, что пришлось рухнуть обратно на кровать и немного передохнуть. Матрас оказался набит соломой, и я окончательно убедился в мысли, что всё это какой-то розыгрыш. Где они только в Дублине нашли столько реквизита? Музей, что ли? Интерактивная экспозиция? Ну, можно тогда немного подыграть.

Я снял со стула жилетку, пиджак, пошарил по карманам. Нашёл только грязный платок, несколько мелких монет, крохи табака и спички. На монетах красовался бородатый

профиль короля Георга.

Про попаданцев я, само собой, слышал. Что-то даже читал, когда нечего было делать, но в переселение душ и путешествия во времени не верил, это в мою картину мира никак не укладывалось. Проще и разумнее считать всё дурацким розыгрышем, тем более, что организовать что-то подобное не составит труда, если пошариться по музеям и частным коллекциям.

Но надёжнее, конечно, выйти и убедиться во всём. Что меня снимает скрытая камера и всё такое.

Поэтому я накинул жилетку, пиджак, натянул ботинки. Удивительным образом всё пришлось впору, словно я несколько лет уже носил эти говнодавы. В рукаве пиджака нашлась ещё и кепка с пуговкой, точь-в-точь как у Ленина, и я натянул её на разбитую голову, прикрывая лысину и рану на ней.

А потом вышел из каморки в коридор, ожидая увидеть там съёмочную группу, смеющихся друзей и коллег, и всё такое прочее.

Увидел только коридор, несколько закрытых дверей и лестницу вниз. Половицы тихо скрипели под ногами, ремонта это здание не видело как минимум пару десятилетий, да и вообще антураж напоминал что-то из викторианской эпохи. Было одновременно любопытно до ужаса и тревожно.

— Мистер О`Хара, это вы? — послышался женский голос откуда-то с первого этажа.

Я как раз подошёл к лестнице. Ступеньки подметала тощая, похожая на воблу, пожилая женщина в коричневом платье и белом чепце. Мне хватило одного взгляда на неё, чтобы понять — это не розыгрыш и не интерактивный театр. Потому что чужие воспоминания хлынули, словно вода через прорванную дамбу.

Что я — вовсе не Михаил Харитонов, и не кто-нибудь ещё другой, я — Майкл О`Хара, дублинский рабочий, клепальщик, третий сын семейства О`Хара из Килмаканого, приехавший сюда на заработки. Что сейчас идёт 1916 год, война с кайзеровской Германией в самом разгаре и финал даже не виден на горизонте. И что я должен миссис Даффи, хозяйке этого жилья, двадцать шиллингов.

Голову снова пронзил приступ внезапной боли, такой, что я застонал и схватился за висок, сползая потихоньку по стенке вниз. Сел на ступеньки, чувствуя, как всё кружится, а в ушах звенит, в мозгах всё перемешалось. Командировка, дублинские музеи, пабы. Работа в порту, танцы с девочками... Снова пабы, но уже другие.

— Мистер, что с вами? Доктор запретил вам вставать, зачем вы вышли?! — визгливый голос миссис Даффи вызывал вполне физическую тошноту. — Не смейте блевать в моей гостиной!

— Мне... Нужно на воздух... — просипел я.

К её чести, миссис Даффи помогла мне подняться и проводила к выходу, хотя беспокоилась она скорее не за меня, а

за свои истёртые половички.

Я был в Дублине, несомненно. Но совсем в другом. Даже воздух здесь отличался, причём в худшую сторону, дым фабричных труб висел в воздухе серой пеленой. По мостовой цокали копыта запряжённых в повозки лошадей, дымили и тархтели уродливые автомобили. Начиналась весна, с крыш капало, на тротуарах тут и там виднелись лужи, джентльмены в пальто сновали туда-сюда, мальчишки торговали газетами, уличные торговки кутались в шали, хотя для меня ещё вчера был конец августа.

Мне снова стало дурно, я прислонился к косяку, пытаюсь уложить в голове происходящее. Хотелось кричать, разбить что-нибудь, но на это не было сил, я лишь слабо ударил кулаком по стене. Костяшки пальцев отзывались болью, так что это не сон. К сожалению. Да и не бывает во сне такого похмелья.

Может, я просто помер? Насмотрелся в музеях на всякое, а теперь вместо света в конце тоннеля мне чудится Дублин начала двадцатого века. Но нет, у мёртвых не болит голова, да и вокруг всё очень даже реальное. Я бы даже в самых фантазиях не сумел вообразить что-то подобное.

Значит, я попал. Окончательно и бесповоротно.

Хотя смутная надежда на возвращение ещё теплилась внутри. Я усилием воли подавил всё то чужое, что прорывалось в моём сознании. Никакой я не Майкл, я — Михаил, русский бизнесмен, сорок шесть лет, не женат, занимаюсь...

Срочным ремонтом повреждённых судов, латаю пробоины в составе бригады клепальщиков... Твою мать! Да я же никогда в жизни дела не имел с заклёпками!

Всё перемешалось... Хотелось выть, биться головой о стену, да только никакого толку от этого не будет. Мне нужно просто прийти в себя, может, немного освежиться, разузнать, что вообще происходит.

— Миссис Даффи! — хрипло позвал я, возвращаясь в гостиную.

— Вам стало лучше? — хмыкнула она. — Вас принесли вчера вечером, вы пролежали целый день! Доктор Браун приходил вас осмотреть, сказал, послать за ним, когда вы очнётесь, но я не уверена, что вы сможете оплатить его услуги, мистер О`Хара...

Она поджала губы, явно намекая на то, что лучше бы мне сперва оплатить проживание и стол, а уже потом тратиться на докторов.

— Кто меня принёс? Что вообще случилось? — спросил я.

— Кто? — фыркнула женщина. — Ваши дружки, конечно! Бойл и МакКормик, эти бездельники!

Насчёт бездельников она явно преувеличивала, тут приходилось вкалывать по двенадцать часов, чтобы заработать хотя бы на пропитание и кров. Ей просто не нравились эти парни, потому что Бойл был профсоюзным активистом, а МакКормик пропускал воскресные службы, валяясь с по-

хмелья. Откуда я это знал? Понятия не имею.

Мои знания об Ирландии этого периода ограничивались парой просмотренных фильмов, лекцией экскурсовода в музее и обрывочными сведениями. Ещё бы, кому какое дело до этого острова, когда на континенте гремит Первая Мировая, а в моей родной стране зреет революция.

Но и здесь происходили события, достаточно важные для мировой истории. Ирландия давно боролась за свою независимость или хотя бы автономию, и весна 1916 года ознаменовалась восстанием и провозглашением Ирландской Республики. Само собой, повстанцев раскатали в тонкий блин армией и артиллерией за считанные дни, а потом зачинщиков расстреляли, сделав мучениками в глазах ирландской и мировой общественности. Всё это я знал как раз после посещения Национального Музея Ирландии, и я мысленно вознёс хвалу небесам, что предпочёл пойти туда, а не в очередной бар с коллегами.

— А кто... Меня вот так... Вы, случаем, не знаете? — спросил я, коснувшись раны на голове.

— Известно кто! — зашипела миссис Даффи. — Вы же опять сцепились с сассенах!

Англичане, значит. Сассенах, томми, лайми, наглосаксы и так далее. Я и сам их не особо любил, было за что. Но здесь их ненавидели просто лютой ненавистью, часть которой передалась и мне.

Я вздохнул и прислонился к стене, чувствуя резкую сла-

бость. Мириться с попаданием я всё равно не желал. У меня слишком много дел там, в будущем. Столько всего нужно доделать! У меня самолёт в Америку, в конце концов!

Значит, мне нужно попробовать вернуться. В каком же пабе это было...

— А они не говорили, откуда меня принесли? — на всякий случай спросил я.

— Не знаю и знать не желаю, — отрезала миссис Даффи. Ожидаемо. Приличная женщина вроде неё не ходит по злачным местам, где регулярно случаются драки и звучат похабные песенки.

— Ладно... Прошу меня извинить, но вы не видели моё пальто? — спросил я.

Должно же у меня быть пальто. На улице ещё довольно прохладно, чтобы ходить в пиджаке.

— Вы пропили последние мозги, мистер О`Хара! — взвизгнула женщина. — Вы сами сказали мне, что заложили его в ломбард, чтобы расплатиться со мной за жильё, но я пока не увидела ни пенса из этих денег!

Желудок сам собой сжался в комок, меня снова затошнило от её высокого голоса, так что я неловко откланялся и поспешил выйти на улицу, пытаюсь разобраться в происходящем.

Зато теперь стало ясно, зачем нужна жилетка под пиджаком, она давала ещё немного тепла. Холодный восточный ветер пронизывал насквозь, принося с собой запахи соли и

угольного дыма, но я не один здесь был легко одет. Кто-то из уличных мальчишек даже бегал босиком по ледяной каше, потому что не мог позволить себе обувь.

— Германцы наступают под Верденом! Подробности в газете, подходи, покупай! Один пенс! — надрывал горло мальчишка в кепке-аэродроме.

Я нашарил в кармане мелкую монетку, протянул мальчишке-газетчику в обмен на хрустящую и пахнущую типографской краской газету. Датировалась она двадцать четвёртым февраля, и на первой полосе, само собой, был Верден. Он пока ещё не стал той мясорубкой и символом окопной войны, авторы статьи выражали полную уверенность в том, что немецкая атака будет отбита в ближайшие дни.

Газету я сунул в карман, пригодится. Собственно, меня больше интересовала сегодняшняя дата, а не ход войны, с войной мне и так всё было понятно, она продлится ещё два года, пока у Германии не треснет хребет. Вот чего, а умирать на полях Западного фронта мне не хотелось.

Ирландцев не призывали, ограничивались добровольцами, и на каждом углу висел плакат с усатой мордой, тычущей в тебя пальцем и спрашивающей, отчего ты не в армии, но чувствовала моя задница, что дойдёт и до призыва. Как только ещё пара сотен тысяч молодых парней будут перемолоты беспощадной военной машиной, и королевской армии понадобится свежее пушечное мясо.

Ещё и поэтому я хотел вернуться назад. А не только из-за

отсутствия интернета и смесителей в раковине.

Так что я пошёл к набережной, надеясь отыскать тот самый паб, в котором меня стукнули по голове. Шансы были, некоторые из них, по заверениям владельцев, работали едва ли не с двенадцатого века, а тут какие-то жалкие сто лет с небольшим. Лучше бы, конечно, не получать по башке сно-ва, да и вообще обойтись без драк, просто проверить место. Если я оттуда перенёсся через время, то, может, сумею перенестись обратно. Унесённый, блин, ветром...

Глаз цеплялся за знакомые вывески, но я не мог толком определить, откуда я их знаю, то ли видел в будущем, то ли мистер О`Хара посещал эти места. Ни один из пабов, впрочем, не вызвал желания зайти и расследовать обстановку, даже старейший паб Ирландии, «Брейзен Хед». Но я определённо был на верном пути. Вчера я сюда точно заходил.

Наконец, в одном из переулков, когда я совсем продрог, таскаясь по городу в одном пиджаке, я увидел вывеску паба под названием «Дикий Гусь», и сердце пропустило удар. Именно здесь мне вчера и вломили. Причём два воспоминания сливались в одно, вломили тут и Михаилу, и Майклу, так что я решительно толкнул двери паба, погружаясь в атмосферу кутежа.

Табачный дым стоял коромыслом, хотя народа внутри было не так уж много, рабочий день ещё не закончился, так что здесь собрались только бездельники и забулдыги, не имеющие постоянной работы.

— Ого! Это же мистер О`Хара! А башка у вас покрепче, чем кажется! — воскликнул бармен. — Я налью вам виски за счёт заведения. Для поправки здоровья.

— Гм... Не откажусь... — хмыкнул я.

Бармен ухмыльнулся щербатым ртом, взял чистый стакан, плеснул немного. Как раз, чтобы согреться.

— А что, у нас теперь наливают за то, что тебя побили? — спросил один из завсегдатаев.

— Давай я тебя ударю, завтра выпьешь бесплатно! А потом ты меня! — засмеялся его дружок.

— Вам не налью, бездельники! Он-то двоих сассенах вырубил, за дело пострадал, — проворчал бармен, протягивая мне стакан.

Я принялся, прежде, чем выпить. Виски отдавал каким-то болотным торфом, дрянной и дешёвый. Да, я, кажется, и там, и там поссорился с англичанами. Не помню, по какому поводу, но это и неважно. В пустой желудок вискарь рухнул тяжёлым камнем, едва не развернувшись на полпути. В голове чуть зашумело, но мне и впрямь стало легче. Во всех смыслах.

— Как думаете, на Ноевом ковчеге было много навоза? — решил пошутить я.

— Наверное, — пожал плечами мужичок с зелёным шейным платком.

— А выгребали его? — с лукавой ухмылкой продолжил я.

— Пожалуй, выгребали, — кивнул второй. — Ты к чему

это, парень?

— Да вот подумал, что когда вся эта куча дерьма всплыла, то получилась Британия, — сказал я, и весь паб тотчас же утонул во взрыве хохота.

Шутку ещё долго повторяли и склоняли на разные лады, один только бармен оставался серьёзным и мрачным.

— Вот примерно за это вам голову и разбили вчера, мистер, — сказал он.

Промелькнула глупая идея, что если мне сейчас снова разобьют башку, то я потенциально могу проснуться в своём родном времени. Хотя надежда на это была призрачной и эфемерной. Надежда таяла с каждой секундой.

— А вы, случаем, не знаете, кто это был? — спросил я.

— Пара залётных томми, — пожал плечами бармен. — Впервые их видел.

— Гомики всегда ходят парами, — вставил один из посетителей.

Иначе и не скажешь. Я бы выразился ещё красочнее, потому что эти гомики-англичане выдернули меня из уютного двадцать первого века сюда. Похоже, без шансов на возвращение.

— Плесни-ка мне ещё, — вздохнул я, понимая, что застрял здесь навсегда.

Глава 2

Все стадии принятия неизбежного прошли буквально за пару дней. Отрицание, гнев, торг, и так далее. Стоило только выпить и снова проснуться в камере на втором этаже. Один день я даже пролежал в самой настоящей депрессии, которая, впрочем, прошла, как только о себе напомнило голодное брюхо.

На работу я не выходил, забивать раскалённые заклёпки — точно занятие не для меня. Зато многое обдумал и пришёл к выводу, что если меня сюда для чего-то закинуло, то и увильнуть нельзя. Тем более, что та моя часть, которая была Майклом О`Харой, прямо-таки требовала включиться в борьбу за независимость Ирландии.

Послезнание у меня есть, куцее и скудное, но есть. Боевой опыт... Я не любил вспоминать эту часть своей биографии, но опыт городских боёв и партизанской войны у меня тоже был. Восстание уже готовится, его не отменить, но я могу сделать его чуть более эффективным. Всё, что мне нужно, это избежать ошибок, которые произойдут, если я не вмешаюсь.

Вот только действовать надо уже сейчас.

Положение, конечно, так себе, да и борьба против огромной Британской империи, пусть даже занятой делами на континенте, практически обречена на провал, горстка храбре-

цов неизбежно будет задавлена числом. Но если знать слабые места (а я их знаю), шансы возрастают многократно, и я принял решение включиться в борьбу.

Благо, знакомства среди фениев и Ирландских добровольцев у Майкла имелись, хотя сам он к числу ярых противников британской власти не принадлежал, просто сочувствовал борьбе, предпочитая держаться подальше от политики. Если бы этих знакомств не было, меня просто приняли бы за шпиона и провокатора, а так — вся жизнь на виду, был обыкновенным работягой.

Главной моей проблемой, впрочем, в данный момент было хроническое безденежье, которое ещё и усугублялось весьма солидным долгом за проживание у миссис Даффи. И даже продать в ломбард уже было нечего, а выходить на работу, обратно в круговорот тяжёлого физического труда, от которого появляется только желание рухнуть замертво, я не собирался. Ничего не имею против работы клепальщика, но в данный момент мне лучше бы сосредоточиться на других задачах.

Поэтому я пошёл к одному из своих друзей, вернее, друзей Майкла О`Хары, к Гэри Бойлу. Гэри был профсоюзным активистом и социалистом, борцом за права рабочих, короче говоря, неугомонным и энергичным типом.

Нашёл я его в порту, среди грузчиков. Бойл, взобравшись на пустой ящик, громко вещал про наживающихся на войне капиталистов, усталые мужички слушали, но без особого

энтузиазма. Чего-то Бойлу не хватало, чтобы увлечь толпу, какой-то искренности, что ли. Сейчас он явно повторял чьи-то слова, и пусть он сам в них всей душой верил, этого было недостаточно.

Я встал в задних рядах, нахохлившись, как воробей, чтобы сохранить хоть немного тепла, пока со стороны моря дул холодный ветер. Слушать пространную речь Бойла приходилось, пересиливая себя, урчание голодного брюха перебивало любые призывы и лозунги.

К социалистическому движению я всегда был равнодушен. И в молодости, когда был бедным, и в зрелости, когда разбогател. Но здесь, в этом времени, требования социалистов казались куда более адекватными, чем сто лет спустя.

Бойл наконец закончил говорить, его проводили жидкими аплодисментами. С виду он был долговязым и нескладным, всклокоченные волосы торчали в разные стороны, сколько бы он их не приглаживал рукой. Пальто не по размеру смотрелось на нём, как на пугале. Но он занимался политикой, и мог познакомить меня с нужными людьми, хотя в данный момент он просто собирал мелочь в поддержку Ирландской гражданской армии, местной социалистической партии.

Захотелось толкнуть речь самому, чтобы собрать хотя бы пару пенсов на еду, вот чего, а лезть за словом в карман мне никогда не приходилось, да и опыт бизнес-презентаций давал мне возможность часами вещать почти на любую тему. В конце концов, в пабе меня угощали, когда я рассказывал

бородастые анекдоты, может, и здесь получится. Хотя здесь собрание сугубо политическое, анекдоты не помогут.

Я протиснулся вперёд, к ящику, заметив на себе удивлённый взгляд Гэри Бойла и заинтересованные — всех остальных. Среди работяг встречались знакомые лица, меня тут знали, но не в качестве оратора и демагога, а как простого деревенского парня, такого же, как и многие другие здесь.

— Вы позволите? Мне есть, что сказать, — обратился я к присутствующим, поднимаясь на ящик.

— Майк! А я слышал, что тебя убили! — крикнул кто-то из толпы.

— Слава Богу, нет, — ответил я на выкрик. — Но я послушал Гэри и во многом с ним согласен, просто хочу кое-что добавить.

При виде нового лица на импровизированной трибуне рабочие немного оживились, и я окинул собравшихся пристальным взглядом. С трибуны собрание, однако, выглядело совсем иначе, гораздо более многочисленным, хотя присутствовало тут человек двадцать максимум.

— Гэри сказал, что это власть капитала привела к войне, — сказал я, и Гэри с важным видом кивнул. — А я добавлю кое-что ещё. Не просто власть капитала, а английского капитала! Это хищники там, в Вестминстере, в лондонских дворцах, развязали войну на континенте, чтобы подмять и поделить весь мир! И теперь наши братья вынуждены умирать в какой-то вонючей Бельгии, сражаясь неизвестно за что! Не

за своих родных, не за свободу, не за Родину, а за денежные мешки в Лондоне!

Я вещал, распаляясь всё сильнее с каждой минутой. Вот в чём, а в своих словах я был уверен на сто процентов.

— Они хотят, чтобы мы умирали ради их наживы! Они даже не считают нас людьми! — продолжал я, заглядывая в глаза каждому из присутствующих.

По лицам было видно, я ударил по больному. Все тотчас же помрачнели, насупились.

— И я вижу только один выход! Независимость! Ирландская республика! — продолжил я. — В которой мы если и будем проливать кровь, то только ради защиты своих домов, а не ради чужих кошельков за полмира отсюда!

Классика. Обозначить проблему, добавить драмы, предложить решение. Всё это уверенным тоном. И дело в шляпе. Во всяком случае, сейчас у меня получилось захватить внимание толпы, гораздо лучше, чем у Бойла. Слушали все, и новые слушатели тоже понемногу подтягивались сюда. Правда, если это услышит полиция, мне точно не поздоровится.

— И нет, самоуправление или статус доминиона это не выход! Это то же самое рабство, только с другим названием! — вещал я.

Не все с этим были согласны, и некоторые зрители поспешили высказать своё мнение, но их быстро уgomонили соседи, желающие послушать, что я скажу дальше.

— Поэтому мы должны бороться! Они могут отнять наши

жизни! Но им никогда не отнять нашу свободу! — прокричал я, вскидывая сжатый кулак над головой.

В ответ распалённая толпа разразилась криками, портовые рабочие готовы были хоть сейчас штурмовать Дублинский замок, в котором сидела британская администрация. Конечно, они быстро остынут, но если даже крупица из сказанного мной запомнится и разойдётся дальше, тем лучше. Искусство пропаганды тут на околонулевом уровне, и я планировал воспользоваться им в полной мере, то, что произошло сейчас, это только проба пера, удачный экспромт. Общественным мнением можно и нужно манипулировать, только так можно будет свалить Голиафа под названием Британская империя.

Я ещё раз поднял вверх сжатый кулак и наконец спрыгнул с ящика. Меня тут же обступили со всех сторон, хлопали по плечу, жали руку, но я не задерживался, пробираясь напрямик к своему другу.

Гэри смотрел на меня, как на ожившую статую или на инопланетянина. Я быстро пожал ему руку и притянул к себе.

— Идём, есть разговор, — сказал я.

Он без лишних вопросов кивнул и мы быстро зашагали прочь из порта, где на ящик забрался уже следующий оратор.

— Я и не знал, что ты так умеешь, — сказал Гэри.

— Я и сам не знал, — сказал я.

— Что за разговор? — спросил он.

— Жрать охота, просто ужас, — произнёс я. — На голод-

ный желудок не вспомню ничего, башка не варит.

Гэри усмехнулся.

— Пошли, поможем голодающим дублинским рабочим,
— сказал он.

Я так понимаю, собранные средства до партии не дойдут. А если и дойдут, то не в полном объёме.

Мы зашли в один из государственных пабов, где подавали не только пиво и виски, но и недорогую еду, если конкретно, фиш-энд-чипс, рыбу с жареной на маргарине картошкой. Жирная и невкусная еда, но с пивом потянет, и Гэри заказал две порции и два пива. И даже пиво тут налили совершенно по-ублюдски, с высокой пенной шапкой, занимающей едва ли не две трети стакана.

— Бармен, ты лить не умеешь? — возмутился я.

— Успокойся, сейчас везде так, — бросил Гэри, спокойно забирая свой бокал. — Чтобы цены не поднимать.

Бармен, однако, скривился и долил мне ещё немного. Ладно, я всё равно пью бесплатно, грех жаловаться.

Мы с Гэри сели за стол, начали жадно уплетать картошку с рыбой. Вот уж воистину британцев морской нацией сделала английская еда и английские женщины. И от того, и от другого хочется уплыть на край света, как можно дальше, чтобы больше никогда не видеть.

— Что за разговор-то? — спросил Гэри, когда мы утолили первоначальный голод.

— О политике, конечно, — одними губами улыбнулся я.

Гэри Бойл на миг удивлённо вскинул брови, но тут же взял себя в руки и оглянулся по сторонам. В государственном пабе проще простого наткнуться на полицейского в штатском, они регулярно их посещали и следили за порядком.

— Раньше ты не интересовался политикой, — усмехнулся он.

— Это было раньше, — пожал я плечами. — Понял просто, что так продолжаться уже не может.

— Вот! А я сколько тебе говорил? Наконец-то ты понял, — сказал Гэри. — Приходи завтра к нам в профсоюз. Знаешь же, где он? Либерти-холл, на набережной. Дам тебе литературу, чего-нибудь попроще для начала, теорию подтянуть...

— Да я не за литературой, — слабо возразил я.

— Там суповая кухня работает, тебе бесплатно нальют, — вывалил железобетонный аргумент Гэри.

— Тогда приду. Но я вообще не об этом хотел спросить, — сказал я. — Просто введи в курс дела, кто тут есть кто.

Гэри охотно кивнул и отхлебнул пива прежде, чем начать.

— Ну, во-первых, Джеймс Коннолли. Глыба, а не человек, — начал он загибать пальцы. — Наш, социалист.

Фамилия казалась смутно знакомой. Но я мог путать его с каким-нибудь футболистом или актёром.

— Но тебе, судя по твоей речи, фении ближе, чем социалисты. Патрика Пирса ты и так, наверное, знаешь, — продолжил Бойл. — Ты же вступил в добровольцы?

— Гм... Нет, не вступил, — нахмурился я.

— Я не про армию! «Ирландские добровольцы», он их лидер, — пояснил Гэри. — Оуэн Макнил создал, а Пирс возглавил.

— Как всё запутанно, — хмыкнул я.

— Проще простого, на самом деле, — отмахнулся Гэри. — Из тех, кто реально делает политику на улицах, с народом, это всё. Ну, самые крупные фигуры.

— А не на улицах? — спросил я.

— Джон Редмонд, — без запинки ответил Гэри. — Ирландская парламентская партия. Но он выступает за войну с Германией, значит, он мерзавец по определению.

Примерно об этих же людях мне рассказывал экскурсовод в музее. Может, чуть более подробно и развёрнуто, про Коннолли и Пирса так точно, обоих расстреляют по итогам восстания. Видел памятники. На экскурсии, конечно, звучали и другие имена. Имон де Валера, Майкл Коллинз, Томас Кларк, но про этих Гэри, похоже, не знал. Или не считал их важными фигурами.

— Ты мне здорово помог, — сказал я.

Во всяком случае, напомнил, о ком рассказывали на экскурсии. Правда, там ещё говорили про Ирландское республиканское братство, но либо Гэри понятия не имел об этом тайном обществе, либо решил о нём ничего не рассказывать. На то оно и тайное.

— Всегда рад помочь своему брату-рабочему, — искренне улыбнулся Гэри. — Если пойдёшь к нам, готов за тебя

поручиться при вступлении.

Присоединяться к социалистам я не был готов, даже ради бесплатного супа. Но заручиться их поддержкой стоило.

— Приду, послушаю, — кивнул я, допивая пиво.

— Ты сам-то как? — перевёл тему Гэри. — Я слышал, тебя из бригады хотят вытурить. Сколько ты уже пропустил, четыре дня?

Вот это для меня было новостью. Хрена лысого, а не больничный, прогулял — уволен.

— Уже лучше, башка заживает, — пожал я плечами.

Лучше не рассказывать всех подробностей. Ему лучше не знать, как я был в подушку, не желая смириться с попаданием сюда.

— Профсоюз пока не даёт тебя выгнать, но бесконечно это продолжаться не может, — обеспокоенно сказал Гэри.

— Пусть выгоняют, — сказал я. — Хотя нет. Я сам завтра приду и уволюсь.

— Даже так? Ну, как знаешь... — покачал головой друг.

— Нельзя же всю жизнь кувалдой махать, — сказал я. — Пора бы уже головой поработать, а не руками.

— Ну да! — рассмеялся Гэри, как будто я заявил ему, что намерен получить Нобелевскую премию.

Мы наконец покончили с едой и пивом, жить сразу стало лучше и веселее. Скептицизм Гэри я прекрасно понимал, здесь за хорошую работу держались изо всех сил, а работа в бригаде клепальщиков точно считалась хорошей. Иначе я не

мог бы себе позволить жить в отдельной комнате и носить крепкие ещё ботинки. Жил бы в трущобах, как добрая половина портовых грузчиков.

Чем глубже задница, тем больше усилий требуется, чтобы из неё выбраться, и я определённо был в заднице, но не слишком глубоко.

Ничего, выберемся. И не из таких передрыг выбирались.

Из паба мы вышли вместе с Гэри, болтая о всяких пустяках. Вспоминали ушедших на войну знакомых, тех, кто вернулся с войны, кого дождались, а кого нет, и так далее. Мы с ним сходились во мнении, что война с Германией — дело совершенно бесчеловечное, и что берлинский рабочий для нас обоих гораздо ближе британского пэра.

Вот только я знал, что на одной только классовой солидарности далеко не уехать. Интернационал так и останется утопией для горстки энтузиастов.

— Если и брать в руки оружие, то только для защиты своей страны, — сказал я.

Гэри покосился на меня, но ничего не сказал.

— Или для борьбы за свободу, — добавил я.

— Знаешь, Майк, если бы я не знал тебя с малых лет, то подумал бы, что ты — полицейский провокатор, — усмехнулся он.

Я картинно возмущился. Вот в сотрудничестве с полицией меня сложно было обвинить.

— Последние пару месяцев как раз бродят слухи... Ну,

ты понимаешь, — понизив голос, сказал Гэри.

— Не понимаю, — сказал я.

— Что-то будет, — сказал он. — Не знаю, где и когда, но будет.

— Восстание? — решил я спросить прямо.

Гэри кивнул. Мимо по тротуару шли две какие-то дамы, и мы вынуждены были замолчать.

— Я чем-то могу помочь? — спросил я, когда мы разминулись с этими дамами.

— Приходи завтра, я тебя познакомлю кое с кем, — сказал Гэри.

Мне ничего не оставалось, кроме как ещё раз уверить его в том, что я обязательно приду. Хорошо, что у меня есть такие друзья. Гэри Бойл и Шеймус МакКормик были лучшими и единственными друзьями Майкла О`Хары, уже достаточно много лет, с тех времён, когда Майкл только-только приехал на заработки в Дублин. Оба — патриоты Ирландии.

Хотя Шеймус, в отличие от Гэри, выражал свою позицию только в сильном подпитии, и предпочитал выражать её не словом, а делом, поколачивая подвернувшихся под руку сас-сенах, протестантов, лоялистов и прочих глубоко неуважаемых им личностей.

Мы с Гэри прошли ещё немного, больше не возвращаясь к этой теме, обсудили сдачу форта Дуомон во Франции. Над самой большой бетонной крепостью Вердена теперь развевался кайзеровский флаг, и хотя немецкое наступление

увязло, были основания полагать, что французы не удержат фронт. А если фронт рухнет, Британия будет вынуждена объявить призыв, в том числе в Ирландии и доминионах.

Я-то знал, чем всё кончится. А вот здешние «эксперты» расходились в своих прогнозах кардинально. Но делиться своим послезнанием я не стал, больше слушая разглагольствования Гэри насчёт немецкого пролетариата.

А потом, возле ломбарда, мы с ним распрощались. Кажется, он пошёл выкупать что-то из своего имущества. Да, до партии деньги точно не дойдут.

Глава 3

На следующий день я стоял в очереди за бесплатным супом. В Либерти-холле наливали всем, но только один раз в день, и я встал в конец длинной очереди из городских нищих, женщин с детьми, инвалидов войны и прочих беднейших слоёв населения. Даже смешно, совсем недавно завтракал в ресторане со звездой Мишлен, а теперь стою в очереди за баландой из картошки и костей.

Разговоры в очереди, которые я слышал краем уха, звучали достаточно тревожные. Среди обычных сплетен и пересудов (даже мне досталось, мол, такой здоровяк, а в очереди за супом стоит) проскальзывали сведения с фронта, многократно преувеличенные. Дескать, германцы наступают, фронт трещит, всё плохо, немецкие подлодки топят наши корабли и скоро боши войдут в Париж. Такие разговоры старались пресекать, но они снова и снова возникали с завидной регулярностью.

Случались и драки за место в очереди, и ссоры, очередь продвигалась медленнее, чем хотелось бы нам всем, а голодный человек не слишком-то терпелив.

Наконец, я с улицы переместился внутрь Либерти-холла, где профсоюзные активисты и сёстры милосердия занимались благотворительностью. Здесь тоже тянулась очередь, но цель была видна, и от котлов аппетитно пахло варёной кар-

тошкой. Ладно, кормили здесь не так уж и плохо.

Гэри увидел меня раньше, махнул рукой, мол, подходи, но я не хотел терять место в очереди. До номеров химическим карандашом на руке тут ещё не додумались, но «вас тут не стояло» я уже слышал не раз и не два, пока ждал на улице, точно как в очереди за югославскими сапогами.

Так что он подошёл ко мне сам.

— Майк! А ты чего тут стоишь? Я же сказал тебе вчера, заходи к нам! — сказал он. — Я бы тебя без очереди провёл!

Я оглянулся по сторонам, передо мной оставалась пара человек. Уже не было смысла пролезать вперёд, пользуясь внезапным блатом.

— Я и зашёл, — сказал я. — Решил сперва пожрать, вот и всё.

— Ладно... Давай, ешь, а потом подходи к нам, — сказал Гэри.

Мне плеснули супа в жестяную миску, ложку я предусмотрительно взял свою. К чести здешних благотворителей, в полхлёбке плавала не только картошка, но и красные мясные прожилки, и ещё какие-то овощи. Вроде есть можно.

Ну, как говорится, на халяву и уксус сладкий.

Пока ел, раздумывал о восстании и трёх основных ошибках, допущенных повстанцами. Это я хорошо запомнил, пока разглядывал музейную экспозицию. Первое — повстанцы умудрились потерять груз с оружием, десять тысяч винтовок, направленных Германией в помощь борцам за неза-

висимую Ирландию. Что удивительно, «мосинок», русских, я видел своими глазами под стеклом на витрине. Немцы направили трофейное оружие, не желая делиться тем, что требовалось на фронте. В итоге против британской армии повстанцам пришлось сражаться, используя револьверы и охотничьи ружья.

Второе — вместо организованного выступления «Ирландских добровольцев» получился невнятный пук в лужу, Оуэн Макнил отменил всё в последний момент, и на улицы вышли всего пара тысяч человек, а не десятки тысяч.

Ну и самое главное — организаторы восстания засели на Главпочтамте и в нескольких других точках, как в крепостях-фестунгах, а это тактика заведомо проигрышная. Англичане подтянули артиллерию, начали обстрел города, не считаясь с потерями среди гражданских, и быстро выкурили всех обороняющихся. Нет, если целью ИРБ было красиво умереть во имя свободы, у них это, несомненно, получилось, но если они рассчитывали на какой-то другой исход, то эта тактика была самым глупым их решением из всех. Умереть во имя Родины может любой дурак, а вот жить и вести её к процветанию может не всякий.

И ведь все эти ошибки можно было предотвратить.

Я доел суп, вернул посуду, подошёл наконец к Гэри, который о чём-то оживлённо разговаривал с немолодым мужчиной в костюме-тройке и с пышными чёрными усами.

— О, вот и мой друг, я рассказывал про него! Майкл

О`Хара! — воскликнул Гэри. — Майк, это мистер Коннолли!

Рукопожатие у него оказалось крепкое, уверенное.

— Вы интересовались нашими идеями, не так ли, мистер О`Хара? — улыбнулся революционер.

— Как и любой сознательный рабочий, — сказал я.

Ответ ему явно понравился, глаза у него блеснули. Почему-то я не испытывал рядом с ним никакого пиетета, хотя видел его памятник на площади, как раз, кстати, напротив Либерти-холла.

— Но кое в чём я не с вами не согласен, мистер Коннолли, — сказал я. — Нужно действовать решительнее.

Джеймс Коннолли добродушно рассмеялся, потом пересёкся взглядом с Гэри. Я прямо-таки видел невербальный обмен информацией, на тему «провокаатор я или нет». Но Гэри Бойл за меня поручился, и теперь ещё раз подтвердил это едва заметным кивком.

— Всеу своё время, молодой человек, — сказал Коннолли.

Вот его трудно было упрекнуть в пассивности, наоборот, этот уса́тый дядька постоянно был занят борьбой за права рабочих, женщин, меньшинств и прочих угнетённых, и это была борьба не за правильные окончания слов в твиттере, а вполне реальная, иногда даже физическая, борьба. Собственно, Ирландская гражданская армия и появилась для того, чтобы защищать рабочих во время стачек и забастовок.

— Я хочу присоединиться к борьбе. За правое дело, — сказал я.

Коннолли даже бровью не повёл, лишь сухо кивнул. Выдержки ему не занимать, а я ведь знаю, что восстание уже планируется, и он — одна из ключевых фигур.

— Смотря что вы понимаете под «правым делом», молодой человек, — сказал он. — Вы знакомы с теорией социализма?

— Поверхностно, — сказал я.

Я мог бы, конечно, осыпать его цитатами из Маркса и Ленина, точно юный профорг на собрании, но лучше бы мне придерживаться легенды.

— Неважно, чья дубинка опускается на голову бастующего рабочего, английская или ирландская, — сказал Коннолли. — Пока властвует капитал, мы так и будем оставаться рабами Британии. Через её промышленность и банковскую систему.

Можно, конечно, поспорить. Лично мне гораздо ближе центризм, без перегибов и социальных экспериментов, но здесь, в 1916 году, многие искренне верят в светлое будущее, где все будут равны, от каждого будет браться по способностям, а взамен даваться по потребностям. С другой стороны, я не имею ничего против того, чтобы первое социалистическое государство на планете возникло не на обломках Российской империи, а на обломках Британской. Это и в теорию Маркса укладывается гораздо лучше.

— Вот это как раз можно национализировать, — сказал я.
— Тяжёлую промышленность, железные дороги, порты и так далее. А мелких лавочников и крестьян лучше не трогать.

— Можем обсудить это в другой раз, мистер О`Хара, — сказал Джеймс Коннолли. — Сейчас лучше заняться делом. Для вас тоже найдётся работа, если хотите помочь.

— Конечно, — сказал я.

— Мистер Бойл, вот вам и напарник, — сказал Коннолли. Гэри широко улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

— Идём, у нас полно дел! — воскликнул он.

Я кивнул мистеру Коннолли на прощание и поплёлся за другом. Лучше бы заняться чем-то другим, даже не знаю, чем меня могут озадачить здесь, в ИГА. Чистить картошку для благотворительной похлёбки?

Реальность, впрочем, оказалась чуть ближе к революционной борьбе. Гэри взял толстую пачку листовок в какой-то камерке, выдал мне банку с клеем и кисточку. Будем, значит, расклеивать агитационные материалы.

Я краем глаза посмотрел на отпечатанную листовку. Слишком много текста, дрянь, а не пропаганда. Но если выделить основные тезисы, то ИГА призывали народ, в первую очередь, рабочих, вступать в их ряды, в Ирландскую гражданскую армию. Строить рабочую республику.

Мы вышли на улицу, где до сих пор в очереди стояли люди, я обернулся и посмотрел на здание Либерти-холла, где на фасаде во всю ширь висел транспарант «МЫ НЕ СЛУЖИМ

НИ КОРОЛЮ, НИ КАЙЗЕРУ, НО ИРЛАНДИИ».

Хороший лозунг, смелый. Смелости этим людям вообще было не занимать.

— Это хорошо, что ты к нам пришёл, Майк, — сказал мне Гэри. — Давно надо было. Чем больше сознательных пролетариев к нам присоединяется, тем ближе победа революции!

Я покосился на него и усмехнулся. Ладно, будем приближать революцию здесь, не зря же король Георг и царь Николай похожи, как близнецы. Правда, царя предали и скинули элиты, дворяне, банкиры и промышленники, а не авангард рабочего класса, но попытаться устроить здесь революцию всё-таки стоит. В первую очередь, разыграв национальную карту.

Вот уж где на самом деле была тюрьма народов, империя зла. Положение доминионов и колоний в Британской империи было безусловно угнетённое, разве что местные элиты мечтали не о независимости, а о месте в парламенте и членстве в лондонском джентльменском клубе, даже не подозревая, что для британских хозяев они все не более, чем дрессированные обезьянки. Так что борьба за независимость оставалась уделом немногих маргиналов.

— Куда идём? — спросил я, покручивая в руках малярную кисточку.

— К докам, — ответил Гэри. — Надо расклеить вот это всё.

— Почему в доках? — не понял я.

— Потому что нам так приказали, — сказал он, и все дальнейшие вопросы отпали сами собой.

Я бы лучше расклеил всё это в пабах и церквях, там, где народ собирается в свободное время, по вечерам и в выходные, а не спешит к рабочему месту или прочь от него. Но в данный момент моё дело — мазать клеем стены и не задавать лишних вопросов.

Полицию мы обходили стороной, как можно дальше, во избежание неприятностей, с полицией у ИГА отношения были натянутые, сложные. Скажем так, практически все профсоюзные активисты и рабочие, участвовавшие в стачках, были близко знакомы с полицейскими дубинками. И Майклу О`Харе тоже порой прилетало.

Процесс у нас с Гэри был отлажен, я мазал стену, он приклеивал плакат, после чего мы быстрым шагом двигались к следующей точке. Элементарно, как дважды два. Порой приходилось клеить поверх обрывков, в которых узнавались точно такие же плакаты, кто-то их срывал и уничтожал. Либо полиция, либо сассенах, англичане. Этих в Дублине тоже хватало.

— Надо не здесь клеить, — сказал я, когда мы избавились примерно от половины листовок.

— А где? — хмыкнул Гэри.

— Поверх вербовочных плакатов, — сказал я. — Они все на виду. Ну эти, с уса­тым мужиком, понял?

— Лорд Китченер, — сказал Гэри. — «Твоя страна нуж-

дается в тебе!», тьфу...

— Да-да, точно, — усмехнулся я.

Моё предложение было одобрено, мы стали клеить наши листовки поверх армейских плакатов. В конце концов, мы выступали и против войны тоже. Быть может, если у Первой мировой будет другой исход, то и Второй не случится, со всеми её ужасами. Слабая Британия не сможет унижить Германию в Версале, нацисты не придут к власти... Неизвестно, конечно, как что повернётся, но надежда у меня была. И это всё не ради абстрактного мира во всём мире, а ради моей Родины, России. Хотя сейчас похожие чувства я испытывал и по отношению к Ирландии.

Прохожие не обращали на нас внимания. Некоторые останавливались и читали текст на плакатах, но мешать нам не собирались, как и срывать наши листовки.

— Клей кончился, — сообщил я, выскребая кисточкой остатки.

— Твою мать, бобби! — воскликнул Гэри.

Из-за угла показалась пара полицейских в высоких чёрных шапках и шинелях, и Гэри зачем-то бросил все оставшиеся листовки и побежал прочь. У копов тотчас же сработал рефлекс, раздался пронзительный свист, оба побежали в нашу сторону, так что мне тоже пришлось сорваться с места. Патрульным точно не понравится, что мы заклеивали усатую харю лорда Китченера.

Листовки, подхваченные ветром, разлетелись во все сто-

роны, мы с Гэри Бойлом со всех ног бежали от полицаев, чтобы не схлопотать дубинкой по хребту. Здесь о гуманности и правах человека пока ничего толком не слышали, так что арест будет максимально неприятным, даже несмотря на отсутствие состава преступления.

Гэри петлял по переулкам, я бежал следом за ним, полицейские преследовали нас обоих, всё это под громкий свист и сдавленную ругань бобби. Их было двое, как водится, толстый и тонкий, словно бульдог и терьер.

Совсем не этого я ожидал, когда выходил с ним расклеивать агитационные материалы, но этого следовало ожидать, далеко не все в стране сочувствуют нашей борьбе. Лоялистов и юнионистов тоже хватало. Дублин всё-таки был вторым городом империи, и пусть его нельзя было назвать таким же плавильным котлом, как Лондон, тут жили и протестанты, и англичане, и кто угодно ещё.

— Вроде оторвались, — оглянулся я.

— Ага... — тяжело дыша, ответил Гэри.

Вот только мы, кажется, забежали не в тот район. Протестанты в Дублине жили, в основном, в южных пригородах, богатых и роскошных. Но и в этих трущобах были свои анклавы для нищих английских семей.

И глядя на приближающуюся к нам компанию молодёжи, я вдруг подумал, что здешние копы не так уж плохи.

Их было восемь человек, чумазые и тощие, в залатанное одежде с чужого плеча и шерстяных кепках. Недостаточно

взрослые, чтобы сражаться на фронте за старушку-Англию, но достаточно подросшие, чтобы доставить массу неприятностей обычным дублинцам. Типичные малолетние хулиганы. И теперь они медленно приближались к нам, растягиваясь цепью и перекрывая дорогу.

— Потерялись? Дорогу подсказать? — насмешливо произнёс старший из них, паренёк в кепке-аэродроме набекрень.

Назад нельзя, там копы. Придётся идти на прорыв через эту уличную шпану.

— За нами хвост, полиция, — сказал я. — Так что уйдите по-хорошему.

— По шесть пенсов с каждого, и мы вас укроем, — немедленно отреагировал парень.

Вот уж действительно, английская деловая хватка, как у бульдога.

— А не пойти бы тебе... — возмутился Гэри.

— Просто дайте пройти, — холодно произнёс я.

— Эй! Полиция! Полиция! — громко завопил один из мальчишек, и я вполголоса чертыхнулся.

Мы только-только оторвались от погони, а этот вопль наверняка было слышно на весь квартал. Чёртовы сассенах.

Я стиснул зубы и пошёл на прорыв, ударом тяжёлого ботинка убирая одного из подростков с дороги. Гэри сориентировался моментально, рванул за мной. Пендаль вышел мощнейший, парнишка просто рухнул в грязь, отлетев на при-

личное расстояние, зато все его дружки бросились на нас с оскорблениями и воинственными воплями.

Лишь бы у них не было ножей или бритв. Будет максимально глупо, если меня посадят на перо в какой-то случайной стычке.

Мы, однако, прорвались, хотя погоня возобновилась снова, полицейские услышали зов и тут же явились. Но хотя бы эти малолетние хулиганы не стали нас преследовать вместе с копами, это с их неписанным кодексом уже никак не вязалось.

Из английского района мы выскочили к одной из главных улиц, напоролись на ещё один патруль. Мы привлекали слишком много внимания, к погоне присоединились ещё несколько бобби.

— На трамвай! — крикнул я Гэри, заведя приближающийся двухэтажный вагон.

Мы подбежали, схватились за поручни. План «Перехват» тут никто не объявит и по рации подкрепление не вызовет, так что способ уйти от преследования не самый худший, тем более, что машинист не стал останавливаться. То ли не услышал свистки бобби, то ли из классовой солидарности решил помочь нам, а не копам.

— Ох, ну и дела... — тяжело дыша, произнёс Гэри.

Я закивал, хватая ртом грязный дублинский воздух, пропитанный смогом и дымом фабричных труб. Иначе и не скажешь. Я вообще ощущал себя так, словно вернулся в бурную молодость, адреналин играл в крови вместе с гремучим

коктейлем из ещё десятка других гормонов. А ещё я понял, что Майкл О`Хара гораздо моложе, чем казался на первый взгляд, просто тяжёлый труд и скудный рацион из картошки и маргарина его преждевременно состарили. Иначе я бы столько не пробежал, даже находясь в своей лучшей форме.

— Что дальше? Обратно в Либерти-холл? — спросил я, чуть отдышавшись.

— Времени ещё полно, — сказал Гэри. — Расклеим ещё пару пачек.

Глава 4

В воздухе отчётливо пахло весной, несмотря на то, что по ночам температура всё ещё опускалась ниже ноля. Вместо снега шли мерзкие холодные дожди, но в моменты, когда выглядывало солнышко, сразу становилось ясно — весна идёт.

Я ещё пару дней помогал Ирландской гражданской армии вместе с Гэри, в основном, ради бесплатного супа и для того, чтобы примелькаться среди социалистов. Люди здесь были приятные, отзывчивые, и мужчины, и женщины. Даже феминистки здесь были не розововолосыми страшилами, а вполне милыми барышнями, по нынешним временам дико эксцентричными, но для меня — в самый раз. Им как раз жутко нравилось, что я общаюсь с ними, как с равными, как привык в своём времени, проявляя при этом галантность, присущую этой эпохе.

И как раз благодаря им я нашёл для себя новый источник заработка.

Я стоял у крыльца Либерти-холла и довольно жмурился тёплым солнечным лучам, как вдруг появилась она, юная леди в голубом платье и маленькой шляпке, до ужаса напоминающая какую-то голливудскую актрису. В руках она тащила тяжёлую пишущую машинку, с упорством, достойным искреннего восхищения, и я немедленно отправился на помощь.

— Мэм! Разрешите предложить вам помощь, — сказал я.

Она обожгла меня пристальным взглядом зелёных глаз и тихонько фыркнула, хотя я видел, как она устала. Из-под шляпки выбились светлые локоны, щёки покраснелись, тяжёлый «Ундервуд» оттягивал её дрожащие руки. Так что я не дождался разрешения, подошёл и забрал у неё машинку. Весила она килограмм пятнадцать, не меньше.

— Спасибо, — буркнула она, поправляя платье.

— Майкл О`Хара, к вашим услугам, — представился я.

— Эбигейл О`Ши, — неохотно ответила девушка.

— Прошу прощения, но столь хрупким и юным леди не стоит таскать тяжести, — непрошенный совет вырвался сам собой. — Для подобной работы есть мы, мужчины.

— Вы противник равноправия? — взвилась девушка.

— Это не вопрос равных прав, это вопрос биологии, — пожал я плечами. — Ничего не имею против избирательных и прочих прав, но для переноски тяжестей, работы в шахтах и службы в армии мужчины приспособлены чуточку лучше.

Она недоверчиво покосилась на меня, но ничего не сказала. Мы зашли внутрь Либерти-холла, прошлись немного по коридорам. Мисс О`Ши двигалась уверенно, словно каждый поворот был ей прекрасно знаком.

— Вы работаете машинисткой, мэм? — спросил я.

— Я редактор в газете, — ответила она.

Я даже остановился, чтобы снова взглянуть на неё. Понял, наконец, кого же она мне напоминает. Хелену Бонем Кар-

тер, только чуть моложе, но с такой же лёгкой безуминкой в огромных выразительных глазах.

— Газеты? И какой же? — спросил я.

— «Республика рабочих», конечно, — сказала она.

— Видел, читал, — сказал я. — Только я думал, что её редактор — мистер Коннолли.

— Не может же он всё делать один, — сказала она.

Да, и правда. Я проводил её до одного из кабинетов, поставил «Ундервуд» на свободный стол, вокруг которого лежали целые кипы различных бумаг и писем.

— Может, в газету требуются корреспонденты? — спросил я. — Я бы с удовольствием написал пару-тройку статей.

Благо, мне было, что сказать по поводу рабочего движения и борьбы за независимость.

— Вы? — с удивлением протянула мисс О`Ши.

Согласен, внешность у меня напоминает скорее уголовника, чуть красивее обезьяны, но я любил не соответствовать ожиданиям.

— Да, на любую тему. Про суфражисток или феминизм, причины империалистической войны, русских декабристов, Интернационал и так далее, — я всё-таки не удержался и блеснул широким кругозором.

У неё даже взгляд изменился. В нём появился интерес, любопытство.

— Хорошо... — сказала она. — Можете принести мне что-нибудь. На своё усмотрение. Если статья пойдёт в номер,

мы вам заплатим.

— За это ещё и платят?! — удивился я.

Ну, держитесь. Я эту газетёнку завалю статьями, даже без помощи гугла и википедии, на одной только общей эрудиции. А с умением складывать слова в предложения у меня никогда проблем не было.

— Если статья пойдёт в номер, от одного до пяти шиллингов, в зависимости от объёма, — уточнила мисс О`Ши. — Обычно мы не пользуемся услугами внештатных корреспондентов, мистер Коннолли часто пишет сам.

— Вы здесь до сколько? — уточнил я.

— Я не хожу на свидания, — холодно произнесла редактор.

— Вообще, я спросил это, чтобы знать, успею ли принести статью прямо сегодня, — сказал я. — Но свидание тоже звучит очень заманчиво.

Она захлопала ресницами, кажется, я поставил её в неловкое положение.

— До пяти вечера, — наконец ответила она. — Может, чуть позже.

— Отлично. Я успею, — улыбнулся я. — Всего хорошего, мэм, рад был с вами познакомиться.

Я приподнял кепку в знак прощания, ещё раз окинул взглядом кабинет.

— Могу я позаимствовать пару чистых листов? — спросил я.

Эбигейл О'Ши рассмеялась, но бумагой меня всё-таки снабдила. Очевидно, она не верила в мои литературные способности, значит, настало время её удивить.

Я ещё и карандаш со стола стянул, пока она отвернулась на секунду. Украсть печатную машинку у меня бы не получилось при всём желании.

Вообще, я сегодня собирался сходить на Доусон-стрит, в штаб Ирландских добровольцев, посмотреть на костяк будущей Ирландской Республиканской Армии и лидеров восстания, но ради такого дела можно и отложить этот визит. Вступить в армию я всегда успею.

Я даже не стал покидать здание Либерти-холла, нашёл себе укромное местечко на одном из подоконников, устроился поудобнее и принялся сочинять статью в лучших традициях революционной «Правды». Как водится, с громким заголовком и скандальным содержанием, на тему, близкую абсолютно всем без исключения. Про Великую войну.

В стране не осталось ни одной семьи, которой не коснулась бы война, так что статья о превращении империалистической войны в борьбу рабочего класса против угнетателей могла вызвать широкий отклик в массах. Пусть даже Ильич уже всё на эту тему сказал.

Конечно, в России ситуация совсем другая, и устроить пролетарскую революцию там оказалось гораздо проще, чем в какой-нибудь другой стране, но я чувствовал, что Ирландия тоже может стать плацдармом для мировой революции

и прочих социальных экспериментов.

Карандаш запорхал по листку, я аккуратным почерком вываливал на бумагу всю свою ненависть к угнетателям-англичанам, буржуинам, капиталистам и прочим. Пусть я сам был капиталистом, бизнесменом и угнетателем в прошлой своей жизни, это даже давало мне некоторое преимущество. Я знал, куда бить и что конкретно клеймить, чтобы это выглядело свежо, ярко и достоверно.

Ложь причудливо мешалась с фактами, щепотка правды, знакомой всем, придавала остроты. Для геббельсовской пропаганды и чудовищной лжи ещё рановато, но скоро, пожалуй, время придёт. Во всех мировых бедах я, разумеется, обвинял англичан, британскую корону. Если в кране нет воды... Образ англичан, если конкретнее, английских элит, в моих статьях выходил совершенно демоническим, сатанинским. Я живописал, как самых обычных парней в британских частных школах-интернатах превращают в натуральных монстров, промывают мозги, вовлекают в содомию, учат ненависти, и это, на самом деле, было не так далеко от правды.

Пока писал, заметил, как мисс О`Ши несколько раз выходила из кабинета и проходила мимо. Со статьёй закончил быстро, и то лишь потому, что выданных листов не хватило. Мог бы накатать и больше, припомнив и геноциды, и создание первых концлагерей, и любовь бриташией к уродливым искусственным границам между государствами, чтобы сеять

рознь и ненависть, и многое-многое другое. Но и без того вместо газетной статьи получилось целое эссе. Впрочем, я перечитал и остался доволен своей работой.

В кабинет к мисс О`Ши я заглянул задолго до пяти вечера, девушка бодро стучала по клавишам «Ундервуда», перепечатывая какой-то рукописный текст. Моё появление стало для неё сюрпризом, кажется, она всё же не верила в то, что я предложил статью на полном серьёзе.

— О, это вы, мистер... — хмыкнула она. — Минуточку...

Пришлось подождать, пока она добьёт предложение и сделает пометку, где остановилась. А затем я протянул ей исписанные листы бумаги.

Мисс О`Ши приняла их снисходительно, будто домашнюю работу у второгодника. Я видел, что у неё нет никакого желания читать всё это, и она ищет предлог, чтобы от меня избавиться.

— Мне не хватило бумаги, — улыбнулся я. — Есть ещё, что сказать.

— Вот как, — хмыкнула она, поняв, что я так и буду стоять над душой, пока она хотя бы не сделает вид, что читает.

Она встряхнула листами, чуть прищурилась, читая первые строки. Я с небывалым упоением наблюдал, как меняется выражение её лица, с насмешливо-снисходительного до удивлённого и озадаченного. Она прочитала всё от начала и до конца, хмурия брови там, где я описывал зверства бриттов, и хищно улыбаясь в тех местах, где я насмеялся над ними.

Текст работал точно так, как и должен был.

— Это... Это вы написали? — спросила она, закончив читать.

— Да. Здесь, в коридоре. Вы могли меня видеть, когда выходили, — сказал я. — Кстати, это ваш карандаш. Возвращаю законному владельцу.

— Так вот куда он подевался... Так, мистер... Я должна показать это мистеру Коннолли, — твёрдо заявила девушка. — И здесь не хватает подписи.

Забыла, как меня зовут, но не хочет этого показывать. Бывает.

— Майкл О`Хара, — напомнил я.

— Я имею в виду, вы хотите публиковать это под реальным именем? Это может быть опасно, — сдвинула она соболиные брови.

— Тогда... Майкл Джексон, — усмехнулся я.

О, Билли Джин...

— Пусть будет Майкл Джексон... — кивнула девушка, подписывая статью именем короля поп-музыки. — Идёмте. Мистер Коннолли будет в восторге!

Я бы лучше предпочёл, чтобы мне заплатили, а не восторгались желтушной статьёй уровня колхозной газеты. Но отказывать мисс О`Ши я не мог. Пропустил её вперёд, машинально подмечая её отличную фигурку и подтянутую попу. Просто прелесть, а не женщина.

Мы немного прошли по коридорам Либерти-холла, оста-

новились у двери одного из кабинетов. Эбигейл осторожно постучала в дверь. За дверью слышались голоса, слов не разобрать, но интонации были нервные. Разговор шёл на повышенных тонах.

Я покосился на девушку, она постучала снова, безрезультатно. Я хотел было предложить ей зайти попозже, но в этот момент дверь распахнулась, и из кабинета пулей выскочил сухопарый мужчина в тонких круглых очках.

— Прошу прощения, — буркнул он, протискиваясь мимо нас.

Мы с мисс О`Ши вошли в кабинет, где всё ещё висела напряжённая атмосфера, хозяин кабинета ходил из угла в угол, как тигр в клетке, взбешённый и недовольный. Кажется, хватит одной искры, чтобы всё тут взлетело на воздух. Джеймс Коннолли уставился на нас, незваных гостей, и я, наверное, предпочёл бы другой момент, чтобы представить ему статью, но мисс О`Ши не обратила никакого внимания на его настроение. Подошла и протянула ему листы бумаги.

— Что это? — фыркнул Коннолли.

Его усы воинственно топорщились, как у моржа, взгляд метал молнии. Мы явно невовремя.

— Читайте, — потребовала девушка.

Он выхватил листы у неё из руки, подошёл к окну, принялся читать, наморщив лоб. За всё время чтения он только один раз заинтересованно хмыкнул, но честно прочитал всё до конца, а потом поднял взгляд на нас.

— Это вы написали, не так ли? — посмотрел он на меня.
— Недурно, весьма недурно. Есть, что поправить, например, «уродов и выблядков» стоит вымарать. А вот ещё... «Сборище сумасшедших нацистов-наркоманов», хотел бы узнать, кто такие нацисты?

— Крайняя форма этнического национализма, — ответил я. — Враги для любого порядочного человека.

— Гм, ясно... — ответил Коннолли. — Да, пожалуй, это можно пустить в следующий номер. Эбби, выдайте из кассы пять шиллингов. Вас устроит такая цена, мистер О`Хара?

— Более чем, — расплылся я в довольной улыбке. — Готов написать ещё что-нибудь, в таком же духе. На любую тему.

— Пока нет необходимости, но я буду иметь в виду, — сказал Джеймс Коннолли. — Газета выходит раз в неделю, так что, сами понимаете...

— Понимаю, — кивнул я.

А я уже раскатал губу, мысленно завалил редакцию статьями в обмен на звонкую монету. Хотя... «Республика рабочих» не единственная газета в городе. Полно и других, и все они готовы платить за свежие и острые материалы. На Пулитцеровскую премию я не рассчитываю, но зарабатывать на жизнь пером гораздо приятнее, чем забивать заклёпки.

С Джеймсом Коннолли мы обменялись рукопожатием, а затем вместе с мисс О`Ши мы покинули его кабинет, и я стал на пять шиллингов богаче.

— А кто это был у него в кабинете? — спросил я, едва мы отошли.

— Когда мы пришли? Это был мистер МакНейл, — ответила девушка. — Глава «Добровольцев».

— Я думал, у них заправляет Пирс, — сказал я.

— Ну... Так и есть, — сказала Эбигейл О`Ши. — Они вдвоём, вроде как лидеры.

— Лидер может быть только один, — уверенно заявил я. Мы дошли до её кабинета и встали у двери.

— Когда можно будет увидеть свежий номер? — спросил я, подразумевая номер с моей статьёй.

— На следующей неделе, я думаю, — сказала она.

— А когда я смогу увидеть вас снова? — спросил я. — Готов ради этого написать хоть миллион статей.

Девушка немного смутилась. Возможно, я чересчур настойчив, особенно для этого времени, но я ничего не мог с собой поделать. Нужно ковать железо, не отходя от кассы, нельзя откладывать на потом.

— Даже и не знаю, — ответила Эбигейл. — Я всю неделю работаю, и, скорее всего, допоздна.

— Тогда я мог бы проводить вас домой с работы. Тем более, что поздно вечером на улицах бывает беспокойно, — сказал я.

— Не стоит, мистер О`Хара, — мягко отказала она. — Но я благодарна за предложение.

— Тогда, может быть, в воскресенье? Вы ходите в цер-

ковь? — спросил я.

— Нет, не хожу, я социалистка и атеистка. А на выходные у меня уже есть кое-какие планы, мистер О`Хара, и вообще, я бы предпочла, чтобы наши с вами отношения оставались исключительно в рабочих рамках, — сказала она.

Я натянуто улыбнулся в ответ. Меня не первый раз отшивали, но я умел вести осаду по всем правилам фортификации, и здесь осада явно того стоит. Значит, будем действовать медленно и методично. По крайней мере, я сумел её удивить, а это уже даёт плюс сто очков в гонке за женское сердечко. По крайней мере, она запомнила, как меня зовут.

— В таком случае я вынужден откланяться, мисс О`Ши, — произнёс я, приподнимая кепку. — До встречи. Скоро принесу вам ещё что-нибудь интересненькое.

— Непременно, мистер О`Хара, — сказала она и юркнула к себе в кабинет.

Я лишь проводил её взглядом. Хороша, чертовка. Несмотря на вполне однозначный её ответ, настроение у меня было приподнятым, даже хорошим. Ещё бы, пять шиллингов жгли карман своей приятной тяжестью, и пусть они задержатся у меня ненадолго, сам факт их наличия грел душу.

Либерти-холл я покинул в самом благоприятном расположении духа, прогулялся немного по улицам Дублина, где всё отчётливее начинало пахнуть весной. Вдоль тротуаров бежали ручейки, местные мальчишки пускали кораблики по ледяной воде наперегонки. Я зашёл в первый попавшийся

паб, перекусил там, пропустил пинту «Гиннеса», раздумывая, что делать дальше.

До самого восстания ещё примерно два месяца, чуть меньше. И если я не хочу довольствоваться ролью простого солдата, то лучше бы ускориться. Нужно проникнуть в руководство, если я хочу, чтобы восстание увенчалось успехом, иначе меня просто расстреляют или бросят за решётку вместе с остальными участниками. А я хотел, чтобы в этой реальности восстание удалось.

Так что я спросил дорогу у одного из местных мальчишек, а потом пошёл на Доусон-стрит. К Ирландским добровольцам, основной военной силе повстанцев. Самое время записаться в их ряды и получить мундир цвета хаки.

Глава 5

Идти к штабу Ирландских добровольцев оказалось недалеко, всего лишь перейти через реку, пройти мимо Тринити-колледжа и повернуть на Доусон-стрит.

Самый большой и старый университет Ирландии, Тринити-колледж, стоял почти пустым, огромное число студентов записалось на войну ещё в 1914 году, и местная пресса ставила его студентов в пример студентам Национального университета, которые не спешили ехать в Бельгию на убой. А всё потому, что в Национальном университете учились ирландцы-католики, а в Тринити-колледже — исключительно протестанты, католиков туда попросту не принимали.

Штаб находился в высоком кирпичном здании, рядом с которым творилась какая-то суета. Несколько человек в зелёных полувоенных кителях курили снаружи у крыльца, на обочине стоял кургузый грузовичок с деревянными бортами, ещё несколько мужчин выгружали ящики и заносили внутрь здания.

Я подошёл и поздоровался с ними на гэльском. Майкл О`Хара владел и гэльским, и английским языком, я владел русским, английским и немного немецким.

— Это здесь можно записаться в Ирландские добровольцы? — спросил я.

На меня тут же пристально уставились сразу несколько че-

ловек, ни одного знакомого лица среди них я не видел.

— Внутрь заходи, — сказал мне один из них.

Я кивнул в ответ и зашёл внутрь, обойдя башенку из непонятных мне ящиков. Внутри импровизированного штаба кипела работа и не только она, я с удивлением проводил взглядом пару мальчишек-скаутов, пробежавших мимо меня. Отовсюду доносились обрывки разговоров, шум, гам, я даже немного растерялся.

Не совсем понятно было, к кому подходить, никаких табличек, объявлений или других опознавательных знаков я не заметил. Звёзд на погонах тоже нигде не увидел, только на-рукавные шевроны у некоторых. Зато многие по нынешней моде щеголяли усами.

Вообще, подобное отношение к делу, совершенно безалаберное и расхлябанное, наводило на довольно грустные мысли об отсутствии дисциплины в рядах «добровольцев». Добровольческие формирования всегда этим славились, но здесь, кажется, с организацией вообще всё очень печально. Даже удивительно, что Пирс и его товарищи всерьёз рассчитывают вломить британской администрации, располагая лишь этими, весьма скудными и ненадёжными, силами.

А ведь из этого выходит, что стукачей и агентов среди «добровольцев» — что блох на дворняге. Есть у них вообще контрразведка? Сильно в этом сомневаюсь, а даже если она есть, то её эффективность оставляет желать лучшего.

— Ты, что ли, записаться хотел? — ко мне подошёл один

из парней в зелёном кителе.

— Ага, — кивнул я, изображая из себя простого портового рабочего.

Благо, мой вид полностью соответствовал этой роли.

— Ну идём, — сказал парень. — Люди нам всегда нужны.

Вот так вот просто. Хотя парень был прав, набор в «Ирландские добровольцы» шёл постоянно, и дело даже не в потерях, их почти не было, дело в амбициях руководителей. Те, кто сейчас назывался «Ирландскими добровольцами», на самом деле были всего лишь небольшой группкой радикалов, отказавшихся воевать за британскую корону, а вот абсолютное большинство старых добровольцев ушли на фронт ещё в 1914.

Конкурировать с Британской армией эти добровольцы никак не могли, ни масштабами набора, ни жалованьем, ни почётом и уважением, так что единственным, что могли предложить новобранцам Патрик Пирс и его соратники, была возможность послужить своей стране на её территории. За идею, в общем. Существовали «добровольцы» на пожертвования частных лиц, в том числе, самих Пирса и Макнила, и денег хватало только на поддержание повседневной деятельности. Особо не развернёшься.

Но на более-менее однообразную форму и оружие, которое они закупили ещё до начала Великой войны, им хватило. Регулярно проводились учения, марши, хотя реальной военной силой «добровольцы» всё равно не были, больше напо-

миная каких-нибудь ряженных тактикульщиков. Военно-патриотическая организация, которой не хватало чёткого устава, программы и плана действий. Зато у них была вера в то, что они делают правильные вещи, и, похоже, победить Британию они собирались исключительно силой этой самой веры.

Парень проводил меня к одному из местных начальников, улыбочивый мужчина в зелёной фуражке, кителе и портупее о чём-то беседовал с парнишкой в скаутской форме.

— Том! К нам новенький, — объявил мой провожатый.

— Отлично! — воскликнул мужчина, широко улыбаясь во все тридцать два зуба. — Пэдди, ступай. Я тебе потом дорасскажу.

Скаут убежал прочь, а я подошёл к нему, глядя сверху вниз, роста он был невысокого, но зато лучился какой-то удивительной харизмой, и я невольно улыбнулся, протягивая ему руку.

— Майкл О`Хара, — представился я.

— Томас Макдона, — представился он, пожимая мою ладонь.

Рукопожатие крепкое, уверенное. Мистер Макдона умел расположить к себе, я уже чувствовал симпатию к нему и к тому, что он делает.

— «Твоя страна нуждается в тебе!» — он шуточно ткнул пальцем в мою сторону, подражая лорду Китченеру.

— Да, и поэтому я здесь, — ответил я.

Макдона рассмеялся.

— Значит, уже в курсе, кто мы такие и что делаем, — сказал он и поправил фуражку на голове. — Я здесь отвечаю за обучение новобранцев и не только. Ты из Дублина, местный, да?

— Да, — сказал я.

— А из какого района? — спросил Макдона.

— Вообще, я из Килмаканого, — сказал я. — Но сейчас живу в Ист-Уолл, недалеко от порта.

Томас Макдона задумчиво почесал выбритый подбородок, поднял вверх палец. Я обратил внимание на его руки, холёные, чистые, с аккуратно подстриженными ногтями и отсутствием каких-либо мозолей. Ничего тяжелее гусяного пера этот товарищ не поднимал.

— Первый батальон, если не ошибаюсь... Да, парни из Ист-Уолла в первом батальоне, — сказал он.

— Не совсем понял, — честно признался я.

— Мы, добровольцы, делимся на бригады. Бригады делятся на батальоны, батальоны делятся на роты, — тоном школьного учителя начал объяснять Макдона. — Каждая рота соответствует району... Ну, обычно так. Бывают и исключения, но в целом стараемся, чтобы каждый служил со своими земляками и соседями. Боевой дух крепче, понимаешь, да?

Примерно то же самое, что в Британской армии. Тут на фронтах Первой мировой сражались земляки и соседи, уже

сплочённые коллективы, пришедшие вместе добровольцы. Да, боевой дух и слаженность подразделения были чуть лучше обычного, но всего одно неудачное сражение вроде Галлиполийской операции или того же Вердена — и весь город получает похоронки.

— Понимаю, — сказал я.

В парадно-выходной организации подход не самый глупый. В боевой — уже не такой хороший, как могло показаться.

— Отлично, — улыбнулся Макдона. — Готов, значит, послужить Ирландии?

— Всегда готов, — ответил я пионерским девизом.

— Отлично, отлично! — воскликнул он. — Значит, запишем тебя в добровольцы. Кем ты работаешь?

— Временно безработный, — ответил я. — Пока то там, то сям...

Ответ Макдоне не понравился, он едва заметно поморщился, но тут же натянул на лицо улыбку из своего многочисленного арсенала улыбок.

— Ну, мы все платим членские взносы, пропорционально доходу, раз в неделю, — сказал он. — На эти деньги мы арендуем помещения и выплачиваем зарплату инструкторам, так что взносы идут не в чей-то карман, а на наше общее дело.

— Я понимаю, конечно, — сказал я. — Рассчитываю, что скоро у меня ситуация с доходами наладится.

— Тогда пойдём, — позвал Макдона.

Я проследовал за ним в небольшую комнатку с зелёным флагом на стене. Тут же стоял книжный шкаф и письменный стол, заваленный бумагами, газетами и письмами. Я подошёл к шкафу и бросил быстрый взгляд на книги. Националистические и исторические труды Макнила и Грина соседствовали с поэзией Пирса и пьесами Макдоны. Короче говоря, заправляли тут всем романтики, а не прагматики, и как раз именно это послужило причиной их провала. Чересчур они были оторваны от реальности.

Макдона порылся в ящике стола, выудил оттуда чистый лист бумаги, пару каких-то брошюрок, бросил на стол.

— Сейчас запишем тебя, — пояснил он. — Десять пенсов в неделю потянешь взносы? Это всё ради Ирландии.

Моё финансовое положение он определил более-менее точно, по крепким ещё ботинкам и аккуратно зашитому костюму.

— Потяну, — сказал я.

Можно было бы и не записываться в «добровольцы», сделать карьеру в Ирландской гражданской армии, у Коннолли, но костяк восстания — это именно «добровольцы», так что лучше бы присоединиться к ним, если я хочу хоть как-то повлиять на результат. А я хотел.

— Тогда сейчас напишем заявление... Ты грамотный? — без обиняков спросил он.

Вопрос, на самом деле, резонный. До стопроцентной грамотности ещё ни одна страна не дошла, да и в грамотные тут

записывали даже тех, кто едва мог читать по слогам.

— Да, читать-писать умею, — сказал я. — Что нужно писать?

Томас Макдона протянул мне листок и перьевую ручку. А потом положил сверху брошюру.

— Читай, это наша конституция, — сказал он, и я быстро пробежал её взглядом.

Ничего нового там для себя я не открыл. Дескать, мы, ирландские добровольцы, за всё хорошее, против всего плохого, и так далее. Хотя любопытный момент в этой так называемой конституции всё-таки имелся, «добровольцы» обязывались обучать, инструктировать и оснащать военные силы, которые будут действовать в интересах Ирландского национального правительства, когда таковое будет создано. Даже не «если», а «когда», то есть, все они пребывали в железобетонной уверенности, что оно будет непременно создано.

Никаких препятствий для вступления в добровольцы, согласно этой бумажке, не было ни для кого. Принимались ирландцы всех партий, любых убеждений и вероисповеданий, всех классов.

— Всё устраивает? — спросил Макдона, когда я отложил брошюру.

— Более чем, — ответил я.

Под его диктовку я написал на листе заявление на вступление. Мол, желаю поступить в ряды, выражаю согласие конституции, и так далее. А затем поставил внизу число и под-

пись.

— Рад приветствовать нового ирландского добровольца,
— широко улыбнулся Томас Макдона и снова пожал мне руку.
— Ещё пара формальностей, и всё.

Он заполнил и выдал мне членскую карточку, брошюру с конституцией, брошюру, объясняющую цели и задачи организации, её структуру.

— А оружие дадут? — спросил я, точно призывник у прапора-покупателя.

Макдона рассмеялся. Судя по всему, тут не то что оружие, тут даже погоны, кокарду и исподнее придётся покупать за свои собственные средства.

— Приходи завтра сюда же, — сказал он. — Познакомись со своим батальоном и командирами. Оружие на учениях дадут, и даже стрелять научат. Учения тоже скоро будут.

Я кивнул. С моим опытом я и сам, пожалуй, мог бы устроиться сюда инструктором. Вот только биография Майкла О'Хары никак не вязалась с моими навыками. Сначала надо пообтесаться здесь, а уже потом учить всех, каким концом от себя держать винтовку.

Ну, хотя бы с этим разобрались. Хотя то, как тут всё организовано, заставляло меня скрипеть зубами. Безалаберность и расхлябанность, достойная каких-нибудь садыков-сирийцев, а вовсе не цивилизованных ирландцев. Если я доберусь до управления, взвоют все, но привить дисциплину и поря-

док им просто необходимо.

— Значит, до завтра, — хмыкнул я, сознательно нарушая субординацию.

Макдона даже внимания на это не обратил, хотя по должности он, кажется, соответствовал если не генералу, то как минимум полковнику. Да и военная форма на нём сидела, как на типичном «пиджаке», таких за версту видно, пороха он не нюхал.

Если кто-то здесь и имел боевой опыт, то их можно было узнать по подвязанным рукам или костылям. Несколько ветеранов, уволенных из действующей армии по состоянию здоровья, выступали тут инструкторами.

— До завтра, мистер О`Хара, — улыбнулся Макдона.

Я приподнял кепку, убрал выданную мне макулатуру во внутренний карман пиджака и вышел, походя осматриваясь в штабе этого табора.

Всё-таки придётся преобразовывать этих ряженных в настоящую армию, так или иначе. В реальности из этого движения родилась Ирландская Республиканская Армия, та самая ИРА, весь двадцатый век устраивавшая теракты в Британии и других государствах. Здесь же я надеюсь обойтись без террора, но превращать добровольцев в настоящую партизанскую армию всё равно придётся.

Маршировать под барабан по улицам Дублина, Корка, Голуэя и других городов, конечно, весело и занятно, красоваться перед девушками формой из зелёного сукна и старыми

винтовками, наверное, тоже. Но реальные боестолкновения, в которых будут участвовать добровольцы, не будут иметь ничего общего с теми учениями, которые сейчас проводятся по всей стране.

На первый взгляд, костяк этой организации состоял из молодых мужчин чуть за тридцать, среднего достатка, образованных. Если в ИГА я мог увидеть и откровенно нищих людей, и рабочих, и студентов, и просто сочувствующих социализму, то здесь, как мне показалось, гораздо больше было именно ряженных, имитирующих борьбу за независимость, и мне это не слишком-то понравилось. Хотя я прекрасно понимал, почему так происходит. Многим было достаточно и этого.

Нет, были и озлобленные на британскую власть радикалы, и уверенные в необходимости восстания республиканцы. Но основная масса тут всё равно была аморфной и рыхлой, довольствующейся тем, что они маршируют с винтовками и платят взносы. Ради Ирландии, делают всё, что могут. По их мнению.

Может быть, Патрик Пирс прав, и нужна как раз таки большая жертва? Чтобы те, кто ещё колеблется, увидели жестокость британских властей и поднялись на борьбу. Вот только большая жертва приведёт к тому, что собой пожертвуют лучшие из лучших. Это я тоже понимал, умереть за свою страну — честь. Но это слишком просто, это почти что слабость. А вот жить ради своей страны сумеет не каждый.

Я наконец покинул здание на Доусон-стрит, зашагал обратно к набережной, чтобы перейти на другой берег Лиффи и выйти к ставшему уже родным Ист-Уоллу. Рабочий район, где доходные дома викторианской эпохи соседствовали с натуральными трущобами для городской бедноты.

Мартовское солнце пригревало уже совсем ласково, пожалуй, пальто у старьёвщика можно даже и не выкупать, лучше потратить честно заработанные шиллинги на оплату жилища, долг за которое рос с каждым днём. Без процентов, но я всё равно терпеть не мог долги, да и миссис Даффи уже толсто намекала на грядущее выселение. Мол, у неё интересовались, сможет ли она пустить постояльца. Надо умаслить её парой шиллингов.

План, как заработать новые, уже имелся. Статьи, подобные той, что я продал мистеру Коннолли, я могу писать десятками, так что очень скоро на все дублинские газеты будет совершенно нашествие материалов про английское коварство и угнетение. Девять откажут, одна напечатает, уже что-то, на хлеб насущный хватит. У меня было преимущество перед местными, я мог смотреть на ситуацию комплексно, свысока, зная последствия.

Например, я совершенно точно знал, что опальный ныне Уинстон Черчилль, с которым связывали провал всей Дарданельской операции, ещё непременно вернётся в политику, хотя всем казалось, что его карьера закончена бесповоротно. Или что на Восточном фронте очень скоро произой-

дёт Брусиловский прорыв, который, собственно, и спасёт Антанту от поражения под Верденом. Эх, знал бы, куда по-паду, лучше бы учил историю. Но даже так обрывочных знаний хватало для практического применения.

Поэтому я покупал газеты на каждом перекрёстке, у каждого уличного мальчишки. Не все подряд, а разные, просто чтобы знать адреса редакций. Настало время развернуть машину пропаганды.

Глава 6

На следующий день я, как и обещал, снова пришёл к «добровольцам». Вливаться в коллектив.

Записали меня в роту С первого дублинского батальона, здесь они именовались буквами латинского алфавита. Роты А, В, С, D и F, в каждой чуть больше сотни человек по спискам, хотя на лицо было гораздо меньше.

Командовал батальоном безусый мальчишка по имени Нед Дейли. Вообще, представился он как Эдвард, но все звали его Нед, и своим положением он обязан был Тому Кларку, известному революционеру и националисту, которому приходился шурином. Даже здесь не обошлось без кумовства, хотя по отзывам других добровольцев, Нед Дейли считался славным парнем и хорошим командиром.

— О`Хара, верно? — спросил меня Дейли.

Я ожидал увидеть в роли комбата какого-нибудь пузатого полкана, а не вчерашнего студентика. Видимо, моё удивление ясно отразилось на моём лице, потому что он снисходительно улыбнулся.

— Служили в армии? — спросил он.

— Никак нет, — ответил я.

В моей легенде служба в армии отсутствовала, Майкл О`Хара сапоги не топтал. Мне вот довелось, и срочную, и контрактную, но лучше это пока не показывать.

— А выправка имеется, — хмыкнул Дейли.

Да уж, шпион из меня, как из дерьма пуля.

— Ладно, неважно. Рота С вас ждёт. Командует ей капитан Макки, доложите ему, он скажет, что делать дальше, — сообщил Дейли.

Я вновь почувствовал себя зелёным салабоном, словно в том самом сне, когда тебя забирают в армию после многих лет гражданской жизни, и ты никому не можешь доказать, что уже отслужил и дембельнулся.

— Где я могу его найти? — спросил я.

— Сэр. Вы забыли добавить «сэр», — пожурил меня этот сопляк.

Ладно, субординацию блюдём строго. Сам хотел насаждать дисциплину и единоначалие, вот, полной ложкой.

— Где я могу найти капитана Макки, сэр? — исправился я.

— Сейчас он, пожалуй, на работе, как мистер Макки, — сказал Дейли. — Трудится наборщиком в «Джилл и сын», в типографии. А вот когда он оттуда выйдет, станет капитаном Макки.

Я наострил уши, сделал стойку, словно гончая, напавшая на след. Наборщик в типографии... Вот с этим парнем стоит подружиться.

— То есть, мне лучше встретить его там? — уточнил я.
— Сэр.

— Пожалуй, да. Мы все надеваем форму по вечерам, по-

сле работы, — сказал молодой комбат. — Днём нам приходится зарабатывать на хлеб насущный.

Я понимающе усмехнулся. Если бы не это...

— Значит, прогуляюсь до типографии, — сказал я.

Дайте только печатный станок, и мне даже газеты будут уже не нужны. Листовки и плакаты, прочие агитационные материалы, не подобные тем, что расклеивали мы с Гэри, а нормальные, по лучшим образцам «Окон РОСТА» и Имперского министерства пропаганды и народного просвещения.

Нужно завладеть умами горожан, чтобы повести за собой толпу. Пирс этого не сделал в полной мере, и в итоге мятежников считали преступниками не только англичане из администрации, но и вполне себе коренные дублинцы католического вероисповедания. Никто не присоединился к восставшим, разве что считанные единицы, хотя руководители ИРБ ждали народного порыва.

— Ступайте, рядовой, — сказал Дейли. — Надеюсь, вы поладите с капитаном.

Я тоже на это надеялся. Если не поладим, придётся возвращаться к Коннолли и действовать через Ирландскую гражданскую армию, а это менее надёжный вариант. Пусть даже он гораздо проще.

Из батальонной канцелярии и вообще штаба добровольцев я вышел в смешанных чувствах. Подчиняться молокососам вроде Неда Дейли... Как-то не по мне, но и заявить о себе я пока не могу. Пока я всего лишь новобранец, человек с

улицы, совершенно посторонний. Да, с членской карточкой и фамилией в списке батальона, но всё равно посторонний.

Значит, надо вливаться в коллектив. Сначала в роту, затем мелькать перед начальством. Неплохо бы выйти на самого Пирса и его заместителей, на членов тайного Ирландского республиканского братства, собственно, планирующих восстание. Показать свою полезность и незаменимость, и уже потом толкать всю эту братию к успешному успеху.

Нужная мне типография находилась не так уж далеко, в центре города.

Я понимал, что далеко не один такой умный, и что типография «Джилл и сын» наверняка уже используется в революционной борьбе. Но у «добровольцев» не было чёткой политической программы, внутри организации не было согласия ни по вопросу самоуправления, ни по вопросу отделения Ирландии, ни по другим вопросам. Потом это приведёт к гражданской войне между сторонниками договора с Англией и сторонниками полной независимости.

Как по мне, независимость гораздо приятнее, чем статус доминиона. Но и связи с Британией слишком сильны, чтобы вот так брать и рвать их без всякого сожаления.

Вообще, было даже немного грустно осознавать, что скоро польётся кровь. Войны и восстания не избежать, не предотвратить. Мирный исход, вроде индийского сценария, тут вообще невозможен, потому что общество уже расколото. Да и столетия угнетения никуда не делись, у каждого, в ком тек-

ла хотя бы четверть ирландской крови, мог рассказать десятков-другой историй обо всех прелестях британского владения.

И раз уж я попал в ирландца, стало быть, и драться буду вместе с ирландцами.

До нужного места я добрался достаточно быстро, в центре Дублина я более-менее ориентировался, и по памяти Майкла, и по собственным воспоминаниям из будущего, конкретно по О'Коннелл-стрит я гулял там, в будущем. И хотя очень многое изменилось за сто лет, отдельные здания и фасады всё равно узнавались.

А вот здание типографии не сохранилось, так что глядеть на стены из красного кирпича и высокие стрельчатые окна мне оказалось в новинку. Вывеска с фамилией владельца и снующие туда-сюда курьеры с кипами бумаг давали понять, что я пришёл точно по адресу.

До конца рабочего дня была ещё прорва времени, и я решил, что не стоит вваливаться в типографию, допытываясь до всех подряд, кто из них — мистер Макки. Прошёлся по улице под сенью голых ещё деревьев, разглядывая трамваи, соседствующие с конными экипажами, зашёл в паб, на вывеске которого был изображён благородный олень с ветвистыми рогами и короной.

Долго думал, взять пива или же не тратить деньги, которых и так оставалось немного.

— В долг не наливаем, — хмуро предупредил седой бар-

мен, прочитав мои мысли, прямо-таки написанные на морде.

— В долг и не надо, — ответил я.

— Ирландская голытьба... — фыркнул один из завсегда-таев.

Кажется, я зашёл в чисто английский паб. И верно, на стене висел портрет короля, как две капли воды похожего на нашего Николая, несколько вербовочных плакатов, «юнион-джек» и бело-красный английский флаг. Ладно хоть народа тут было всего пара человек, и надраться никто не успел, не то кто-нибудь непременно захотел бы помахать кулаками.

— «Гиннесс» есть? — спросил я.

Бармен криво ухмыльнулся.

— Ты, кажется, дверью ошибся, — сказал ещё один из посетителей.

У меня, что называется, забрало упало.

— Думаю, это вы ошиблись островом, — ответил я.

Повисла тишина. Зловещая, гнетущая. Слышно было только, как грохочет проезжающий снаружи трамвай.

— А ну-ка, повтори, что ты сказал, — поднялся на ноги один из местных, вслед за ним начали подниматься и другие.

Чёртовы сассенах. Мало того, что они тут в большинстве, так ещё и полиция наверняка будет на их стороне, если вдруг кто-нибудь позовёт констебля, или с улицы заглянет патруль.

Но и отступать — не в моём стиле.

Я набычился, стиснул кулаки, оглядывая паб, в который так неудачно заглянул. Каждый из присутствующих смотрел

на меня с нескрываемой злостью и даже ненавистью, дело близилось к драке. Примерно так я сюда и попал. Разве что во время прошлой драки я был не один против толпы.

— Вы, говорю, ошиблись островом, сассенах, — повторил я. — Ваша куча дерьма в сотне миль к востоку.

— Ты покойник, пэдди, — ощерив кривые зубы, процедил один из моих оппонентов.

Я, бывало, дрался с превосходящими силами противника, но не с целым пабом англичан. А ведь я просто хотел промочить горло и скоротать время до встречи с капитаном.

Хотя через секунду я взглянул ещё раз на их лица и понял — все храбрецы давно уже на фронте. Здесь остались только трусы и слабаки.

— Подходите по одному, я вас угощу, — ухмыльнулся я, скидывая перед собой кулаки.

Подходить никто не спешил, наоборот, выбирались из-за столов нарочито медленно, разминая кулаки и шеи. Стараясь скорее напугать, произвести впечатление на меня и на своих дружков, изобразить из себя суровых и злобных бойцов. Мне повезло, что они все недостаточно пьяны, чтобы без раздумий кинуться в драку. Даже обладая численным преимуществом.

— Ну? Или вам нужен констебль с наручниками, чтобы справиться с одним ирландцем? — ощерился я. — Или шестнадцатифунтовая пушка?

Кривоzubый наконец вышел вперёд, выставив далеко пе-

ред собой кулаки тыльной стороной вперёд, изобразив что-то вроде стойки из английского бокса. Голова его оставалась полностью открытой, руки закрывали только корпус. Сейчас, значит, поправим ему прикус.

Мне не хотелось нападать первым. Не потому, что мне жаль было этих быдланов, а потому, что если это дело вдруг дойдёт до полиции, я смогу спокойно говорить, что не я это начал.

— Получай! — выкрикнул кривоzubый, выстреливая прямым ударом с правой.

Слишком медленно, чтобы попасть по мне. Я уклонился, даже не сходя с места, и тут же ответил двоеккой в голову. Этого оказалось достаточно, чтобы кривоzubый уселся на задницу прямо там, где стоял, он рухнул, нелепо мотая головой.

— Ну всё, пэдди, ты доигрался! — заорал кто-то из его дружков, и на меня бросились сразу трое, толкаясь и мешаясь друг другу.

Вот теперь пошла жара, я начал отступать к выходу. Здесь, в пабе, было слишком тесно для хорошей драки, да и местное пиво казалось уже не таким привлекательным вариантом. Мне и нужно-то было просто уйти, сохранив лицо.

Я маневрировал, чтобы все эти англичашки, ослеплённые ненавистью, мешались друг другу и не могли зажать меня в угол, пока я ловил их на контратаках. Несколько разбитых носов, может быть, приведут их в чувство. Да и меня

изрядно бодрили пропущенные удары, без которых тоже не обошлось. Но энтузиазм англичан угасал с каждой секундой. Каждая моя оплеуха заставляла то одного, то другого сассенах отойти в сторонку, чтобы немного передохнуть и снова броситься в драку, но уже не так рьяно.

Мне и самому это надоело, я разорвал дистанцию, отступив ко входной двери, и остановился в проёме. Мне тоже досталось, я чувствовал, как саднит скула, а из носа текут кровавые сопли. Но оно того стоило, англичанам я наподдал как следует, и чувствовал теперь злое удовлетворение. Им досталось гораздо больше, чем мне.

— Бывайте, ихтиандры... — сказал я, но договорить не успел.

— Бобби, держи его! — крикнул один из англичан, и сзади меня обхватили чьи-то крепкие волосатые лапищи.

Да так, что я не смог даже вдохнуть.

Сразу же начал вырываться, ударил назад головой, с силой топнул каблуком тяжёлого ботинка по ноге Бобби, хватка тотчас же ослабла, и я сумел ударить его локтем в печень. Этого оказалось достаточно, чтобы выбраться из его объятий до того, как все остальные кинутся на помощь и забудут меня прямо здесь. Я развернулся, схватил согнувшегося от боли Бобби за шиворот и придал ускорения, запустив его прямо на всех остальных англичан, а сам наконец вырвался наружу.

Адреналина мне подкинули тройную дозу, сердце бешено колотилось, но я не стал убегать, а развернулся и снова встал

в стойку, готовый продолжать, если они кинутся следом за мной.

— Вали отсюда, пэдди! — выплюнул кривоzubый. — Это английский паб! Придёшь ещё раз — снова получишь!

По всем данным получили скорее они, а не я, но пусть думают, что хотят. У меня и не было цели размазать их по паркету, лишь немного помять бока. Да я и драться-то не особо хотел...

— Ничего, скоро тут ни одного английского паба не будет, — паскудно ухмыльнулся я, отходя прочь. — Обещаю вам.

Заявление сильное. Трудновыполнимое, но вполне реальное, надо только хорошо постараться. И я постараюсь.

— Правильно, мистер, так с ними и надо, — сказала мне какая-то женщина, проходившая мимо.

Я кивнул в ответ, утирая лицо носовым платком, а женщина плюнула в сторону паба и пошла дальше, как ни в чём не бывало. Даже настроение поднялось. Народ нас поддерживает, это точно, разница только в том, насколько далеко они готовы зайти в борьбе.

После того, как я немного привёл себя в порядок, пошёл всё-таки к типографии. Только сейчас дошло, почему они называли меня «пэдди», они называли так вообще всех ирландцев. Пэдди это сокращение от имени Патрик, то же самое, что называть немцев фрицами.

Мимо меня прошёл полицейский патруль, двое в чёрных шапках с начищенными бляхами, но никакого внимания они

на меня не обратили, даже несмотря на то, что выглядел я почти как Рокки Бальбоа после двенадцати раундов. Копы просто прогуливались, не обращая внимания на обстановку вокруг, и я усмехнулся. Нет жалоб — нет проблем.

В здание типографии «Джилл и сын» я зашёл, несмотря на то, что рабочий день ещё не кончился. На проходной меня остановил пожилой мужичок в помятой шляпе-котелке.

— Вы к кому, мистер? — спросил он.

— Мне нужен мистер Макки, — сказал я.

— Дик? Дик Макки? — нахмурился мужичок. — Ха, я и не знал, что эту соплю называют мистером Макки! Ждите здесь, я ему сообщу... Мистер, надо же...

Он поднялся с колченогого табурета, продолжая посмеиваться себе под нос, заковылял куда-то вглубь здания. Я прислонился к стене и прикрыл глаза, кажется, всего на мгновение.

— Гляньте-ка, спит уже, — прозвучал голос того мужичка. — Сказал, к тебе пришёл.

Я раскрыл и протёр глаза. Передо мной стоял совсем молодой парень в рубашке с закатанными рукавами и жилетке.

— Мистер Макки? — спросил я.

— Это я, — кивнул паренёк. — Чем-то могу помочь?

— Я от мистера Дейли, — сказал я.

— От Неда? Неда Дейли? — уточнил он.

Субординация этим ребятишкам точно незнакома. Я даже едва заметно поморщился, понимая, что будет очень тя-

желю превратить этих «добровольцев» в настоящую армию, способную драться против ветеранов Фландрии, а не против пузатых любителей портера.

— Да, от него, — сказал я и протянул ему руку. — Майкл О`Хара.

— Дик Макки, — пожал мне руку капитан.

Хотя по возрасту он едва-едва тянул на лейтенантика. Как, впрочем, и Дейли. Эпоха, наверное, такая, Гайдар тоже в шестнадцать командовал полком, война — дело молодых.

— Я, может, немного не вовремя, — сказал я. — Но мистер Дейли сказал, что меня вы введёте в курс дела и познакомите с ротой.

— Придётся подождать немного... Идём за мной, — сказал Макки. — Патрик, он из наших, пусть посидит у нас в каморке, чаю попьёт пока. Будешь чай?

Мужичок в котелке рассеянно кивнул, теряя ко мне всяческий интерес.

— Буду, — ответил я.

Дик Макки проводил меня в маленькую комнатку, разжёг примус, поставил чайник.

— Новобранец, значит? — скорее констатировал, нежели спросил он. — Это хорошо, люди нам нужны. Кто тебя разукрасил так?

— Сассенах, — процедил я, усаживаясь на лавку. — В пабе тут, недалеко, где олень с короной. Но я им тоже наподдал.

— Понял... — протянул Макки. — А ты чего туда попёр-

ся вообще? Это же паб для них, наши по другой стороне улицы.

Внятного ответа я дать не мог. Увидел первый попавшийся, зашёл. Надо было догадаться, что даже пабы здесь делятся на наши и не наши.

Чайник закипел, Макки деловито разлил заварку по чашкам, залил кипятком, щедро сыпанул сахара себе и мне. Учитывая, насколько дорогими тут были чай и сахар, это можно было воспринять как знак глубочайшей симпатии.

— Олень под короной, говоришь... — задумчиво протянул он. — Можем к ним заглянуть. Всей ротой. Чтобы знали, что не стоит задираться с «Ирландскими добровольцами».

А вот, кажется, неплохая возможность показать себя. Совместим приятное с полезным, получается.

Глава 7

Спустя пару часов я уже шёл в одном строю с добровольцами роты С под командованием капитана Макки. Рота — слишком громко сказано, одно название, народа удалось наскрести едва ли на половину взвода. Все остальные по самым различным причинам отвалились.

Но с теми, кто всё-таки вышел, я потихоньку знакомился. Мюррей, Грин, Хоган, Фицпатрик, Флинн, О`Доэрти, О`Райли, Маккарти, Вуд, и это только те, кого я сразу запомнил, всего на призыв капитана Макки откликнулось человек двадцать. Меня приветствовали один за другим, лица «добровольцев» мелькали как в калейдоскопе, но такое вот знакомство, сопряжённое с возмездием англичанам, заставляло сплотиться перед лицом общего врага.

Почти все они тоже были из Ист-Уолла и его окрестностей, с некоторыми Майкл О`Хара даже был шапочно знаком, что тоже облегчало вхождение в коллектив.

Каждый считал своим долгом подойти ко мне и дать пару советов, непрошенных и порой даже дурацких, но я не спорил, делал вид, что впитываю ценные знания. Мы шли от Ист-Уолла обратно к О`Коннелл-стрит, к английскому пабу, проучить зарвавшихся сассенах.

Такое времяпровождение нравилось всем гораздо больше, чем марши с винтовками. Подрасться тут любили многие,

собственно, какой ещё бесплатный досуг могли организовать себе молодые мужчины в эту эпоху. Точно как мы в юности махались двор на двор и район на район.

К борьбе за независимость это всё, конечно, имеет весьма косвенное отношение. Разве что для сплочения коллектива, зарядить всех ненавистью к захватчикам. Англичане тут были как раз именно захватчиками, Ирландия никогда не покорялась им в полной мере, и они это чувствовали.

Рота С, если говорить прямо, больше напоминала мне большую компанию приятелей, а не боевую единицу, дисциплины тут было ещё меньше, чем я видел в штабе «добровольцев». К капитану порой обращались просто по имени, шли по улице не строем, а толпой. Но их боевой дух и готовность без лишних вопросов пойти и настучать по лицу целому пабу англичан изрядно поднимали мне настроение.

— Ты же из докеров, нет? — спросил меня Флинн, поравнявшись со мной.

— Уже нет, — честно ответил я. — В бригаде клепальщиков работал, ушёл.

— Понятно... А чего к нам, а не к «гражданским»? — спросил Флинн.

Ирландская гражданская армия среди подобных мне работяг была куда популярнее, чем «добровольцы», так что вопрос резонный.

— Не знаю, мне идеи республики ближе, — пожал я плечами.

Меня ненавязчиво прощупывали, пытаюсь выяснить, что я за фрукт. Но в биографии Майкла О'Хары никаких пятен не было, всё чисто, комар носа не подточит. Никаких отношений с полицией или МИ-5 не имею, в порочащих связях замечен не был.

Я прекрасно понимал, что меня будут проверять, и не раз, особенно когда я начну демонстрировать таланты или знания, несвойственные простому рабочему из дублинского порта. Так что мне надо показать свою полезность и незаметность, чтобы все эти вопросы ушли далеко на второй план.

А время утекало, как песок сквозь пальцы, неумолимо. Сколько я здесь уже, неделю? Пожалуй, чуть больше, а ещё ничего толком не сделано. До провала операции с грузом оружия примерно месяц, до провала всего восстания примерно полтора, а я только-только поступил в ряды «добровольцев». Надо срочно делать карьеру, чтобы успеть всё исправить.

Вот только каким образом... Если я заявлюсь к Пирсу и прочим командирам восстания со словами, что вы все дураки и не лечитесь, и что восстание надо делать иначе, есть немалый риск, что меня просто пристрелят и сбросят ночью в реку. Секретность тут была строжайшая, экскурсовод в музее даже рассказывал как анекдот, что один из командиров добровольцев присоединился к ним в день восстания, просто встретив колонну на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.